

Волшебные миры (Снежный Ком)

Всеволод Алферов

Мгла над миром

«Снежный Ком»

2019

Алферов В.

Мгла над миром / В. Алферов — «Снежный Ком»,
2019 — (Волшебные миры (Снежный Ком))

ISBN 978-5-9500850-2-4

Древнее царство давно пережило расцвет, но еще почитает иноземцев варварами. Здесь смеются над малыми народами, а Царя Царей зовут владыкой мира — но как чумы боятся колдовства. Долгие годы чародеи провели в заточении, не смея покинуть обители. Однако всему есть предел. Один из магов совершает убийство — и тщетно пытается скрыть следы. Последователи святого дервиша, которого замучили маги древности, вот-вот развяжут войну. А меж тем Царь Царей стар и болен, а вельможи сцепились в схватке за престол... Встречайте вторую книгу «Анхарского цикла» Всеволода Алферова, написанную в лучших традициях классического фэнтези!

ISBN 978-5-9500850-2-4

© Алферов В., 2019
© Снежный Ком, 2019

Содержание

История первая	5
1	5
2	24
Письмо, оставленное меж страниц	43
История вторая	44
1	44
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Всеволод Алферов

Мгла над миром

История первая Нечто мертвое

*Ненависть – нечто мертвое.
Кто из вас хотел бы стать склепом?
Джебран Халиль Джебран*

1

К суду и казни его вывели минута в минуту. Гонг в храме владыки времени как раз заговорил, возвещая полдень, когда пленника вытолкнули навстречу солнцу – и смерти. «Могли бы и припоздать с судилищем», – подумал Аджт.

День выдался ясным и звонким, как всегда бывает после сезона дождей. В Священном Круге, где обитель вершит правосудие и провожает на костер усопших, собрались две или три дюжины зевак. Некоторые скучали, иные прятали взгляд, прочие же смотрели с неприкрытой ненавистью. Поначалу чародей оглядывался, интересуясь, кто как себя ведет. Не каждому дано увидеть свой последний час. Впрочем, он быстро потерял интерес и к этому.

Над столичной обителью бесновалась стая воронья. Их пронзительный гомон мешался с гулом большого города – со своего места маг едва слышал приговор. Судья прилежно раскрывал рот, вот только вместо слов до чародея долетал лишь вороний грай.

«Могло быть хуже, – сказал себе Аджит. – Могло быть куда хуже... Выпрямись! Магу не пристало встречать испытания вот так».

И чародей расправил плечи и улыбнулся.

* * *

Одиночество...

Волны ветра

в полынной горечи степных трав.

Каллиграфическая кисть скользила по бумаге легко и привычно. Аджит на мгновение задумался и приписал снизу:

Здравствуй, подружка-тоска...

Петелька в слове «тоска» получилась слишком жирной. Придворные каллиграфы, пишущие так, что в вязи букв проглядывали львы и лебеди, антилопы и горные бараны, – изругали бы Аджита в пух и прах. Пусть их. Ему не нравилось новое поветрие: не то писать, не то рисовать. Должно быть, до восстания узурпатор был последним деревенщиной, раз его придворные выводят стихи в картинках.

Аджит поморщился и отложил кисть.

«Дыхание Бездны! О чем я думаю? Как будто, это двор виноват, что я жду и битый час пытаюсь унять дрожь в руках!»

За окном закат раскрасил белый камень стен в два цвета: старой позолоты и темной крови. Бронзовый гонг в храме Атáмы возвещал восьмой час, и чайки в гавани вторили ему резкими криками.

«Он обещал, что освободится к восьмому звону... Интересно, как там предыдущая встреча? В каком он настроении? Зол или добродушен?»

Поймав себя на малодушном гадании, чародей разозлился еще больше. «Какая разница, если он знает, зачем я просил меня принять? Я не видел сестру пять лун. Он не должен, не может мне отказать!»

Ждать осталось ползвона, от силы. Чародей встал из-за стола и прошелся по комнате. Остановился перед потемневшим серебряным зеркалом, в который раз проверяя, достойно ли выглядит. Но, как ни прихорашивайся, худое усталое лицо не станет менее худым и усталым, а непослушные темные волосы – менее своенравными. Маг забрал их в хвост и связал черной лентой.

Недовольный отражением, Аджит вернулся за стол. Обмакнул кисть в баночку с тушью и закончил стихотворение:

...впрочем, ты всегда молчишь мне в ответ.

Покои Газв́ана сар-Махда, Первого-в-Круге и Верховного мага, располагались в самой старой части обители. За сотни лет обитель чародеев расширяли и перестраивали, большей мешанины стилей было не сыскать во всей столице. А уж по числу безвкусных и аляповатых зданий та, несомненно, дала бы фору любому городу в Царстве.

Первые постройки Круга возвели сразу после Завоевания – сложенные из гладкого белого камня, они были простыми и надежными, как клинок наемника. Потом, когда обители начали открывать по всей стране, красота уже никого не заботила. Квадратные кирпичные башни не отличались от тех, что торчали в порту или вгрызались в Старый город со стороны Дороги Царей... На Южный базар столичная крепость Круга смотрела резными ликами, на Храмовый остров – увитой плющом мраморной стеной, а на колоннаду Пяти Царей – и вовсе ажурными башенками, покрытыми каменным кружевом.

Попав сюда еще ребенком, Аджит в первый же день заблудился. Сейчас он опасался лишь встречи с собратьями, которым пришлось бы объяснять, зачем он так спешит к Верховному.

Двойные створки с резьбой... зачем резьба там, где никто не задержится, чтобы поглазеть? Аджит постучался, хотя и знал: Верховный почуял его приближение, еще пока молодой маг взбирался по лестнице.

Внутри было пусто и аскетично – как и всегда. Как если бы Первый-в-Круге только вселился в покои и подводы с мебелью, коврами и утварью ожидали разгрузки.

– Как всегда, пылкий и недовольный, – не отрываясь от бумаг, проворчал Верховный. – Подожди немного. Садись.

Он неопределенно махнул рукой. Очень некстати: колдовской огонек выхватывал лишь тяжелый стол и старого мага, прочая мебель словно попрыгала в тених по углам. Наконец глава Круга поднял взгляд на посетителя.

– Ну что... – Его тон не сулил ничего хорошего. – Не стану спрашивать, зачем ты пришел. И не стану врать, что рад. Для начала мне нужно знать, что это в самом деле безопасно.

– Рад завтра уедет в провинцию, мудрый! – взволнованно начал маг. – К двоюродному брату. Говорят, тот тяжело болен. Он заберет большую часть челяди, сестра и племянник останутся с горстью слуг. Будет легко передать весть и встретиться с ними. Никто не заметит!

Верховный усмехнулся. На его неправильном, подходящем скорей наемнику, чем чародею, лице ухмылка получилась жесткой, если не жестокой.

– Вот меня всегда забавляло: ты что, следишь за ней? Как выгадываешь дни, чтобы пообщаться с семьей?

– Не совсем. Я просто... я проверяю, как живет сестра. Иногда расспрашиваю о жизни двора.

– Хвала богам, что «не совсем», – фыркнул Газван. – Иначе прибежал бы раз в неделю.

Аджит пропустил замечание мимо ушей. Он был в Круге восемнадцать лет, и если Верховный хорошо изучил бывшего ученика, то и Аджит неплохо знал Верховного. Крепко сбитый, грубоватый, даже слишком хорошо сохранившийся для шестого десятка, он казался вышедшим на покой солдатом. Должно быть, потому он и нашел общий язык с Царем Царей. Однако за непроницаемым лицом скрывался непростой человек. Все же в первую очередь человек, а уж затем – Первый-в-Круге.

– Вот что, мальчик... – Верховный побарабанил по столу пальцами. – Мне эта история не нравится. Я понимаю, ты хочешь сохранить связь с семьей... Понимаю, твой зять из этих, из ревнителю. Ну, которые ненавидят магов... Но ты уж придумай что-нибудь, чтобы не прибегать каждый раз, как понадобится запрещенная магия. В конце концов! Если Раид ублюдок и выбросит твою сестру на улицу, как узнает, что у нее есть брат... за каким бесом он ей вообще дался?

Чародей вздохнул.

– Раид не ублюдок, – досадливо пояснил Аджит. – Он любит Илайю и Сахра. Просто он... ревнитель. Это вы верно говорите.

– Значит, придумай что другое, без запрещенных чар! – повысил голос Газван. – Развели придворную игру на пустом месте! Вы еще наймите шпионов и травите свидетелей. – Маг покачал головой. – Мне надоело покрывать тебя перед Кругом.

– Но я сполна расплатился за...

– О да, мне не в чем тебя винить, – перебил молодого чародея Верховный. – Но дело, видишь ли, не в торговле. Каждый раз, как я даю тебе фальшивые и сверхважные поручения, я подставляю себя. Подставляю Круг. Если это сборище крикунов лишится меня, Царь Царей скормит вас всех собакам. В этой стране нас не очень-то любят, не забыл?

– Мы пытались, мудрый... – начал Аджит, но Газван снова не дал ему договорить:

– Бездна, значит, пытайтесь еще! Ты пробираешься к ней, как вор. Хочешь, чтобы твой зять подумал, будто в его постели гостит другой?

В кабинете повисла такая тишина, что было слышно ровное шипение колдовского огня – и грей священных ворон в храме Джахата за каналом. Наконец Первый-в-Круге заключил:

– Это последний раз, когда я играю в твои игры. Думай.

Старый маг впери в Аджита тяжелый взгляд, словно ожидая незамедлительного ответа. Молодые вельможи, которые поддерживали узурпатора и кричали, что маги – бесовское отродье и теперь-то Царь Царей с ними покончит, быстро скисали под этим взглядом. Да что там, даже узурпатор чувствовал себя неуютно, иначе посадил бы в столичной обители своего человека, насадив голову Газвана на пику.

Под этим взглядом спорить было бессмысленно. Под ним и сидеть-то было бессмысленно, раздражая Верховного лишние мгновения.

– Я подумаю, – кивнул Аджит, поднимаясь со стула. – Благодарю... за помощь. Пусть ваш день будет счастливым, мудрый!

Он постарался, чтобы ритуальная фраза не звучала, как проклятие.

Их разлучили, когда Аджиту было десять, а сестра аккуратно отпраздновала двенадцатое лето. Все началось с того, что мальчик разозлился на Илайю и сжег игрушку, из-за которой они повздорили. Оглядываясь назад, чародей понимал: хорошо, что не досталось ей самой! Мальчик попросту не знал, насколько опасен – и даже хорошо, что не знал, иначе ужас вызвал бы еще больший выброс силы.

В те годы в Царстве правили маги, но не любили их и тогда. Жрецы посматривали на чародеев с неодобрением, а бродячие проповедники все поминали, как маги древности скормили святого мученика не то собакам, не то волкам... никто толком не мог сказать, кому именно. Но потом война на востоке принесла восстание, а следом пришли засуха и голод, и тогда эту историю уже слышали все. А главное – глухо ворчали о чародее, который в ту пору носил золотую маску Царя Царей.

Впрочем, все это произошло, когда Аджит уже учился в Круге. А когда им было лишь десять и двенадцать, Аджит с Илайей знали только то, что говорил отец: колдуны искажают замысел богов и противны небесам, ложатся с духами царства теней и вообще – до Завоевания мир был честнее и чище, виной же порче, известно, маги.

Неудивительно, что проклятые головешки они зарыли в саду, а отец так ничего и не узнал. Однако чем дальше, тем сложнее становилось: вокруг Аджита вспыхивали и прогорали свечи, одежда на нем тлела, стоило ему разволноваться, а один раз Илайе пришлось сделать вид, что она опрокинула в постель жаровню... Скрывать все до бесконечности Аджит не мог даже с помощью сестры. Настал день, когда правда всплыла, и той же ночью отец привел незнакомого старика и велел забирать сына, и чтобы к утру не осталось духу «проклятого ублюдка».

Мальчик смутно помнил расставание. Кажется, Илайя плакала, а лицо ночного гостя и вовсе стерлось из памяти. Запомнилась крепкая шершавая ладонь и запах сточных канав на пути к обители. В следующий раз чародей увидел сестру, когда та превратилась в хрупкую изящную девушку. Он узнал, что в ту ночь отец раздобыл труп скончавшегося от хвори мальчика, а наутро тело умащивали смолой кáммы, чтобы отдать последнему костру.

Так Аджит Рахád выяснил, что давно мертв и десять лет как сидит подле Солнечного Владыки на полях Иáру.

– Вообще-то Сах не такой уж и бойкий. Любит всякие истории, может часами их слушать. Раид нанял одного писаря... он много путешествовал со свитой старого царя. Старик учит Сахира грамоте, языкам и истории.

Они сидели на выходящей в сад террасе. Солнце над столицей подбиралось к зениту, но летняя жара уже навалилась на город, придавив тяжелым влажным брюхом. Над клумбами струился острый аромат пряностей и заморских цветов.

– Хорошо, что мальчика не заставляют махать мечом, – согласился Аджит.

– Не заставляют, – кивнула Илайя. – А вообще он спокойный. Любопытный.

Словно опровергая сказанное, Сахир сновал меж кустов, не обращая внимания на взрослых. Следом за ним, то отставая от мальчишки, то нагоняя его, носился поджарый охотничий пес. Сперва чародей вздрогнул, когда зверюга нагнала племянника и, прыгнув на плечи, поваляла наземь. Однако пару мгновений спустя катавшийся по земле клубок со смехом распался.

– Бес в Сахе души не чает, – сказала сестра. – Не бойся, они играют.

Аджит понимал, что им нужно обсудить, как встречаться впредь, – но слова не шли на язык. Их встречи были столь нечасты, что стали подобны редкому и дорогому вину: сколько ни смакуй на языке, чаша закончится скорее раньше, чем позже, оставив лишь бледное воспоминание. Он ценил каждое отпущенное мгновение, не желая тратить их на неприятные разговоры. Быть может, если бы жизнь в обители была не так однообразна, воспоминания об этих встречах вызывали бы меньше тоски... Кто знает? Чародей вырос в годы, когда магам только и оставалось, что крохотная тюрьма. Он не ведал другой жизни и не мог вообразить, каково это – жить иначе.

– Первый-в-Круге больше не сможет меня покрывать, – наконец выдавил чародей.

– О чем это ты?

– Нам придется встречаться реже. В лучшем случае. В худшем... мы еще долго не увидимся. Может, год. Может, несколько лет.

– Почему? – В голосе сестры послышался страх.

– Понимаешь... когда на трон взошел узурпатор, он не мог допустить, чтобы маги подняли мятеж. И вернули все, как было при царях-чародеях. Даже один маг способен надевать бед, а простые люди и не заметят... не заподозрят... Нам нельзя пользоваться опасными чарами. И все бы ничего, но иллюзии, которые нужны, чтобы я сюда приходил, относятся к запретной магии.

– И?

– И Верховный устал меня покрывать, – понуро заключил Аджит. – Он хороший человек, входит в мое положение, но и его нужно понять. Он выгораживает тысячи людей по всему Царству и...

– Первый-в-Круге? Проникся заботой? – Илайя прищурилась. – И сколько еще таких... в чье положение он входит?

Аджит усмехнулся. Да, брак с придворным напрочь лишил ее иллюзий.

– Разумеется, не бесплатно, – пояснил он. – Я... понимаешь, я не самый последний маг, Верховному частенько нужна моя помощь. Там, где он сам бессилен. К нему прикованы сотни глаз. Ему нужны люди, у которых развязаны руки. Но которые полностью от него зависят.

– Чудесно!

Илайя нахмурилась, встала из кресла и зашагала по террасе из угла в угол.

– Только не говори, что ради нас ввязался в грязные дела!

Она бросила на него обвиняющий взгляд, чародей же постарался улыбнуться. Илайя пробормотала нечто, что пристало больше купеческой дочке, а не придворной даме, – и отвернулась.

Перемены в ней оказались неожиданными для Аджита. Куда делась мать, жизнь которой заключена в сыне и муже? Сестра была немного забавной: маленькая, хрупкая, совсем еще юная – но такая серьезная. Чародею подумалось, что высокородный зять нашел в Илайе не только хозяйку, но и единомышленника.

Перехватив его взгляд, сестра состроила гримасу.

– Вот что, – заговорила она. – Подробности рассказывать долго. Пока что встречи буду устраивать я. Я всегда могу отправиться в поездку и заранее сообщить тебе. Я хозяйка в своем доме, мне ни с кем не нужно объясняться. Наверное, так следовало поступить с самого начала.

– И как ты будешь передавать вести? Принесешь письмо к дверям обителя?

– Оставь это мне, – отрезала Илайя. – Заведу знакомство с магами. Раид оценит, ему всегда хотелось лучше узнать врага.

– Ты уверена?

– Более чем. Не впервой.

– Бесовски повезло ему, что нашел не томную даму, а тебя!

– Его родители не были так уверены. Два года не решались познакомиться с дочерью купца, – сестра усмехнулась. – Ладно, все в прошлом... Они сидят бок о бок с Солнечным Владыкой и морщатся, глядя на меня с небес. Тебе, наверное, пора?

– Сперва нужно поговорить с Сахиром, – напомнил чародей.

– Я никогда этого не понимала! Зачем Саху тебя видеть, если он все равно ничего не вспомнит?

Аджит вздохнул.

– Я ведь объяснял. Наше сознание... состоит как бы из слоев. Он все помнит, просто... не на поверхности. Да, это лучшее сравнение, что мне приходит на ум.

– Делай, что считаешь нужным, – отмахнулась сестра.

Первым на голос чародея откликнулся, конечно, Бес. Племянник вконец измучил пса, так что тот тяжело дышал, но выглядел довольным. Следом появился и сам мальчик. Аджит присел на корточки, из-под неровной челки на него взглянули упрямые глаза зятя.

Чародей вдруг ясно, отчетливо понял, что ненавидит Царя Царей.

– Ну как, замотал пса?

– Угу, – невесело протянул ребенок. – Я испачкался. Галия говорит, что нажалуется отцу.

– Старшая нянька, – пояснила сестра. – Добрая старушка. И очень чопорная.

– Молодой господин не должен бояться нянек. – Маг потрепал племянника по голове. – Ты на них полагаешься, а они тебя одевают и обстирывают. Но ты зависишь от челяди. Учись ухаживать за собой сам и станешь настоящим господином себе и слугам.

– Папа тоже говорит, что я должен все уметь. А то стану как колдуны. Они без чар свечу зажечь не могут, представляешь?

– Твой папа хороший человек. Хотя порой ошибается. Ну... давай. Сейчас мы сделаем тебя еще взрослее!

Привыкший к процедуре, Сахир послушно сел на пол спиной к магу, откинул голову тому на грудь.

– А я... я потом опять ничего не вспомню?

Дядя и мать обменялись взглядами: еще в прошлый раз мальчик не осознавал, что забывает об этих встречах и вспоминает их, лишь вновь увидев Аджита.

– Так надо. – Маг погладил жесткие волосы. – Это ведь ненадолго. Сам видишь, со временем ты все вспомнишь. Ну? Закрывай глаза!

Он положил ладони на голову Сахира. Пара ударов сердца – и мальчик обмяк в его объятиях. Осторожно приподняв ребенка – «Тяжелый же стал! Быстро растет!» – чародей усадил племянника в кресло.

– Да, Раид воспитывает сына в том духе... что колдуны противны богам и...

– Ничего, – улыбнувшись, чародей положил сестре руку на плечо. – Я другого и не ждал.

– Я делаю, что могу. Но не хочу, чтобы ребенок видел, как мы ссоримся.

– Ничего, – повторил Аджит. – Твой муж хороший человек. Просто... он ошибается.

Илайя хотела сказать что-то еще, но передумала. Жена придворного, бывшая здесь несколько минут назад, вновь исчезла. Осталась лишь невысокая девушка, годы назад прощавшаяся у погребального костра с живым братом.

– Я... пойду?

Она кивнула. Отвернулась. Ее всегда немного мутило, когда Аджит вдруг становился невидимым.

Прежде чем окунуться в путаницу улиц Старого города, чародей вдохнул запахи ставшего родным особняка. Чужой дом пах пряностями и заморскими цветами.

Чародей застал воцарение Азаса Черного уже учеником. В те годы он еще не видел большого мира, и все, что знал о нем, – были страшные истории о резне магов, которая вспыхивала то здесь, то там. Каждый вечер приносил новые дурные вести. И новые страхи.

Боялись все. Истории пересказывались вечерами, в полутемных гостиных, и казалось, что мир за стенами обители сошел с ума. Помнится, Аджит считал дни и гадал, сколько времени пройдет, прежде чем война ворвется сюда, разрушив главный и самый крепкий бастион Круга.

– Ерунда! – отрезал Газван, услышав опасения ученика. Тогда он не был Верховным, и говорил еще резче, чем сейчас.

– Разве простые смертные не ненавидят магов? – пылко переспросил Аджит. – Да все об этом говорят! Мы отличаемся от них, у нас... есть сила. Люди ненавидят всех, кто от них отличается...

Юноша осекся, потому что его наставник фыркнул.

– На твоём месте я бы вспомнил старую присказку: мол, слово «маг» исходит от древнего *иль магáр*, что означает «величие» и «господство».

Аджит, не раз слышавший ее из уст наставников, посмотрел на Газвана с недоумением, что только разозлило учителя.

– Вот и догосподствовались, – заключил тот. – До восстания догосподствовались!

Видя, что ученик не понимает, Газван снизошел до объяснения.

– Да, то, что ты говоришь, тоже есть. Но толпа ненавидит не магов вовсе, а господ. А те, кто толпой руководит, – ненавидят тех, кто стоял выше них. То есть тоже господ, только уже повыше рангом. Но не магов. И, в общем, это наша вина, что для них это одно и то же. Но господа меняются, а новым тоже понадобятся маги. Хотя бы чтобы защищаться от соседей. Когда восставшие наденут на кого-нибудь золотую маску и вспомнят, что у Царства есть не только трон, но и границы.

– По-вашему, магам ничего не угрожает?

– Конечно угрожает, олух ты купеческий! И будет угрожать и через год, и через десять лет. Мы будем служить новому Царю Царей уже при новых порядках. Все, кто выживет, ясное дело.

Вышло точно так, как и предсказывал Газван. Прошли годы, и ужасы войны остались в прошлом. Десять лет назад Аджит не мог подумать, что окажется в столичном Районе Садов – дворцовом квартале, чьи стены казались неприступными простым горожанам по ту сторону канала.

Все пространство между спокойными водами Ладж́ан, каналом и морем было одним огромным парком, однако большую его часть занимал дворец. Сквозь частокл кипарисов виднелись лишь белые стены и блестящие на солнце купола. Чуть дальше возвышалась квадратная Башня Справедливости: единственная постройка, которую можно разглядеть из города. Аджит читал, что она выходит на главный дворцовый двор и именно там находятся рабочие покои Царя Царей.

«Что он там видит, из окон своих палат?» – подумал маг и решил, что не так уж много. Видел бы больше – все в Царстве, может быть, сложилось иначе.

– Господин ждет, – напомнил провожатый, поторапливая чародея.

Сразу от ворот они свернули на выложенную цветастой плиткой дорожку, что виляла меж кедрами и подстриженными кустами роз. Пожалуй, главное, что отличало Район Садов – это тишина. Городской шум не проникал через толстые стены и, словно не решаясь потревожить здешний покой, слуга говорил негромко:

– Лекари сделали все необходимое, подлинное исцеление вряд ли понадобится. Но достойный Мау́з очень слаб и решил довериться чародеям.

– Верховный говорил, советник идет на поправку.

– Вот это вам нужно будет проверить, – с непонятной интонацией произнес слуга.

– Что вы имеете в виду?

– У советника... есть подозрения. Достойный выбирает лучших лекарей, но всегда остается опасность.

Слуга натужно подбирал слова, но Аджит уже понял, что чародеи понадобились как нейтральная сила, не вовлеченная в дворцовые интриги. Что ж, он был магом-целителем и неплохим, Аджит сталкивался со всяким. Могло быть хуже: будь у него особая связь с камнем – надрывался бы с собратьями на строительстве каналов и дорог.

– Вот и пришли...

Слуга ускорил шаг, Аджиту оставалось лишь поспешить следом.

Советник Золотого двора обитал в роскошной резиденции в дворцовом квартале, Золотой палате. Только внутри чародей осознал, насколько все плохо. Бывает, войдешь в чужой дом – и сразу понимаешь, что он словно бы перевернулся: слуги снуют без цели, все огрызаются, и обстановка страха... маг ощущал ее кожей. В самом что ни на есть буквальном смысле.

Еще хуже оказалось в самих покоех. Аджит не был бы хорошим целителем, если бы не ощущал чувства людей с особой остротой. Смерть и страх, царящие в комнате, были густыми, как вонь портовых закоулков.

– Раздвиньте занавеси, – резко приказал он.

Слуги засуетились, убирая расписные ширмы и раздергивая драпировки, впустив в комнату соленый запах моря и крики чаек.

Аджит никогда прежде не видел Мауза иль-Нехата, смотрителя казны, но подозревал, что тот был полным человеком с лоснящимся от довольства и хорошего питания лицом. Сейчас среди атласных покрывал лежал старик, сгоравший – и уже почти сгоревший – изнутри. Он был в сознании, и когда чародей присел на край кровати, попытался заговорить. На исхудалом лице осталось слишком много кожи: она пришла в движение, как диковинная маска, но голоса маг так и не расслышал.

– Лучше помолчите. Не тратьте силы, – проговорил Аджит.

– Ему стало хуже аккурат как вы отправились за колдуном, – говорил слуга за спиной у мага.

– ...послал за лекарем? – кажется, голос провожатого.

– Ползвона назад. Мы...

– Тихо! – прикрикнул чародей. – Мне нужна тишина. Я уйду в себя, чтобы найти болезнь и вывести ее из тела. Сколько бы лекарей ни заявились, пусть помалкивают и не мешают. Мне потребуется... – он умолк, прикидывая время, – не больше звона.

– За звон он может оказаться при смерти, – тихо произнес проводник: похоже, секретарь, а не обычный челядинец.

– Ваши лекари корпели дни напролет, – отрезал Аджит. – Если вы не выделите хотя бы звона, зачем вообще звать целителя?

Взгляд секретаря обжег Аджита холодом.

– Сейчас не время артачиться, колдун!

– Хорошо. – Чародей встал. – Передайте лекарям мои лучшие пожелания! – и, пока секретарь не успел опомниться, шагнул к нему вплотную. – В нашем положении есть одно достоинство: мы не боимся ни Золотого, ни Бумажного двора. Круг пал так низко, что хуже только новая резня. Вряд ли тебе это под силу. Особенно, если твой господин умрет, а новый советник вышвырнет тебя отсюда, едва переступит порог. Дай мне звон. После – делай, что считаешь нужным.

Нужно отдать должное, секретарь колебался всего-то пару ударов сердца.

– Убери всех слуг, – приказал он напарнику. – Держи лекарей за дверью и пусть попробуют поднять голос! Если я их услышу...

Аджит так и не узнал, чем закончится для лекарей излишний шум. Вновь присев на край постели, он принял позу поудобнее, положил руку на грудь советника. Вдох, выдох – и он уже не слышал, что творилось вокруг.

Проникновение в разум больного похоже на путешествие по лабиринту алых туннелей. Вернее – так это виделось Аджиту. Изнанка мира лишена цвета и звука, магов учат придавать ей облик, чтобы не сойти с ума в пронизанной потоками силы пустоте. Чародей с детства любил медицину и знал, как выглядят кровеносные сосуды. Потоки силы в теле он представлял себе примерно так же.

Болезнь спутала эти потоки, отыскать ее не составило большого труда. Это было похоже на... пещеру, в которой струи красноватого света смешались, потускнели и переплелись в клубок, пульсирующий в такт ударам сердца. Труднее было этот узел расплести – да так, чтобы не повредить ни единой нити.

Чародей знал, что снаружи время течет быстрее, чем на Изнанке. Он торопился, но, с чего ни брался за переплетение, каждый раз отступал. Еще раз. Который по счету? Пятый...

Да, пятый! Теперь он прислушивался к ощущениям с особым тщанием. Но как ни вел нить, виток за витком разматывая ее, та вновь ускользнула. Клубок как будто сопротивлялся. Жил своей жизнью – так, словно... что-то сдерживало его.

Проклятье!

Конечно. У советника были враги, и Аджит мог бы догадаться раньше. Сосредоточившись, чародей нырнул еще глубже, полностью отдавшись ощущениям. И впрямь: клубок опутывала тонкая, почти невидимая паутина силы. Чужие чары? Нет, колдовской яд. Просто яд, действующий так тонко, что даже маг не сразу разглядит.

Выбросив из головы саму мысль об утекающем времени, он рвал нити одну за другой. Он вбирал яд в себя самого, чтобы вывести из тела больного и выбросить прочь. С каждой впитанной каплей маг слабел, но продолжал работать, положившись на привычку. Мысли его начали мутиться. Он не знал, что это было за вещество... насколько оно ядовито, насколько опасны чары? Нужно вывести все, до капли... Нельзя рисковать.

Вроде еще что-то оставалось там...

Последнее, что он запомнил, – как вывалился в тварный мир, дрожа и в холодном поту. Потом его вырвало.

Аджит пришел в себя от влаги, ударившей ему в лицо. Один раз, второй... Маг чихнул и мотнул головой. Секретарь советника стоял над ним, держа наготове кувшин и чашу и, похоже, собираясь повторить процедуру.

– Что это было? – спросил он. – Ему стало лучше, потом ты начал бледнеть, дрожать и упал в обморок. Все... все в порядке?

Теперь, когда худшее осталось позади, в его голосе прибавилось теплоты.

– Колдовской яд. – Аджиту пришлось повторить, с первого раза голос вырвался из горла хриплым карканьем. Чародей попробовал встать, но охнул и остался на полу. – Меня вырвало. Убирайте осторожно. Не знаю, как он действует... Может, через кожу.

Слова давались с трудом, и маг закрыл глаза, не желая смотреть, как бешено вращается вокруг него покой.

– Ну, думаю, тогда мы оба трупы, – хохотнул секретарь. – Ты упал лицом в свою блевотину, а я оттащил тебя и еще оттирал.

Он вновь склонился над господином и, кажется, остался доволен увиденным.

– Спит, – возвестил он. – Но так, знаешь... спокойней, чем раньше. Не как в последние дни.

– Я... посмотрю...

– Сиди уж. Я передам Верховному, что ты выдохся и тебе нужен отдых. Заодно денек присмотришь за достойным господином. А мне... похоже, у меня прибавилось дел, – заключил секретарь.

Он взял с постели подушку и бросил магу.

– Устраивайся, пока не принесут кушетку.

Аджит выдавил из себя благодарность и сунул подушку под плечи, блуждая взглядом по комнате. Морской бриз колыхал тонкие газовые занавеси. Вокруг кровати суетился секретарь. Песочные часы крупинка за крупинкой отмеряли время – из отпущенного ему звона прошла едва ли половина.

Был перелом лета и осени: один из дней, когда жара спадает, но на улице еще тепло, а по ночам ветер с моря завывает в колоннаде Пяти Царей, как стая бродячих псов. Прямо под окнами Аджита городские поливальщики разбрызгивали воду, чтобы ветер не нес уличную пыль в дома добропорядочных горожан. Чуть дальше южный базар, не стихавший ни днем ни ночью, загорелся кольцами факелов, а Сердце Атамы – огромный бронзовый гонг под куполом храма времени – ныл и стонал, скорбя о кончине еще одного дня.

Джамла спала. Тонкое покрывало из некрашеного хлопка сбилось к ее ногам. В тусклом свете масляной плошки бедра чародейки казались смуглыми до темноты... нет – выточенными из орехового дерева.

Так непривычно было смотреть на линию спины, на разлегшиеся по загорелой коже тени – и понимать, что тебе с этим жить, вместо того, чтобы видеть лишь будоражащие кровь изгибы. Полумрак скрывал недостатки, но Аджит знал: они все там, стоит лишь получше всмотреться. Ему было все равно.

Он слышал тихое дыхание. Угадывал в полутьме знакомые родинки – там, где они должны быть.

Лечь бы рядом, обнять сзади, почувствовать ладонью мягкость ее груди... Подавив возбуждение, целитель отошел к окну, вслушиваясь в эхо отзвонившего гонга.

Из-за Сердца Атамы или нескромных мыслей – но чародей не слышал стука, пока в дверь не замолотили кулаками.

– Иду. Иду уже! – Аджит набросил на голое тело и наспех застегнул чародейскую кобву.

– Кто там? – сонно спросила Джамила и перевернулась на спину.

– Сейчас узнаем...

Гость оказался посыльным, зато в кафтане с золотой каймой. За последние месяцы Аджит вдоволь насмотрелся на прислужников Золотого двора, так что не удивился. И все же... все же Золотой двор имел дела с Верховным, а не отдельными магами, видеть посланца на своем пороге было необычно.

– Письмо от советника. Сказано доставить и ждать.

Аджит хмыкнул. Конечно, Круг не отрезан от мира. Маги рождаются и у золотарей, и в семьях вельмож, у многих чародеев в городе жили родственники. Но почта всегда доставлялась Верховному или ищейкам Царя Царей при Круге.

Кроме самой высокой и самой важной.

– Я прочту и скажу, будет ли ответ.

– Мне сказали ждать здесь. – Посыльный попытался вступить в комнату, но Аджит преградил ему дорогу.

– Вот и славно. Подождать можно в коридоре.

И, пока тот не успел опомниться, чародей захлопнул дверь перед носом гонца.

– Что там? – Джамила села на смятых простынях, каштановые кудри рассыпались по плечам и груди. – Опять твоя сестра?

– Советник, – поморщился Аджит. – Чего-то хочет.

Он отошел к окну не только ради света. Если что и было причиной их беспрестанных ссор, то Илайя.

И не ошибся: послание было кратким, написанным в спешке и нервным. «Гостим в доме советника, – писала после приветствий сестра. – Нужно увидеться. Это очень важно и очень срочно! Если ты занят – брось все дела. Скажи, что тебя требует советник и доверяет одному тебе». Там было еще несколько строк, Аджит пробежал их взглядом, почти не видя.

– Срочно требует к себе, – сухо процитировал маг. – Я не знаю, в чем дело.

– Я столько раз говорила, я слышу, когда ты лжешь, – вздохнула Джамила. – А ты никак не привыкнешь, что спишь с чародейкой.

– Куда ты?

Его самообладание испарилось, стоило колдунье начать одеваться.

– К себе, – просто ответила Джамила. – Ты ведь уходишь? Кто бы там тебя не звал.

Она говорила правильно – как всегда, – а ему и в самом деле нужно было собраться. Но на душе скреблись кошки. Аджит молча смотрел, как одна за другой сходятся застежки ее кобвы. Дыхание Бездны, как это не ко времени!

Нужно с тобой увидеться... Очень важно и очень срочно...

Почелуй был совсем коротким – и вот уже чародейка выскользнула в коридор. Гонимец встрепенулся было, но Аджит взглядом заставил его заткнуться.

– Подожди еще, – бросил маг. – Мне нужно переодеться.

В ночи Район Садов был еще красивее, чем с утра. Огни усыпали стены царского дворца, листва же казалась изумрудной в свете ламп и факелов. Здесь пели неизвестные ночные птицы и стрекотали сверчки, в отдалении звучали цимбалы и тамбурины, от скрытого в глубинах парка пруда доносилось кваканье лягушек.

На сей раз его провели не в покои, а во внутренний двор Золотой палаты, выходящий к краю Района Садов. Было темно, лишь пара ламп выхватывала из ночи ветви лимонных деревьев да алели в пятнах неверного света цветы. И все же он сразу понял, что здесь нет ни советника, ни секретаря. Только Илайя.

– Быстро же ты...

Чародей не понял, укоряет она его или в самом деле рада видеть.

– Что случилось? У тебя все хорошо?

– У меня да. Наверное... Дело в Сахе, – сестра помолчала пару мгновений и закончила: – Он сжег кровать в своей комнате.

– Боги! – выдохнул маг. Было ясно, что речь не об опасной и оттого еще более увлекательной игре.

– Я тоже первым делом их вспомнила. Правда, проклятиями.

– Как твой муж?

– О, Раид ничего не знает. – Она отвернулась, глядя в темноту. – Если ты о том, что будет... Не знаю. Ничего хорошего.

Помолчали. Откуда-то из глубин парка, из-за здания палаты, послышался пьяный смех.

– Я привезла его с собой, – наконец заговорила сестра. – Наутро сказала мужу, что неплохо укрепить знакомство с Маузом и что мы погостим денек-другой. Ты... мог бы его посмотреть?

– Конечно, пойдем!

– Он здесь. Спит. Я попросила у слуг снотворного, чтобы ты мог спокойно осмотреть... Боги, как я все это ненавижу!

– Ну-ну, не плачь...

Аджит обнял ее и держал, пока она не перестала всхлипывать. Впрочем, сестра пришла в себя довольно быстро.

– Пойдем.

Сахир спал на подушках, укрытый двумя покрывалами. В лунном свете его лицо казалось совсем белым, как храмовые изваяния. Мальчик выпростал из-под одеяла руку: казалось, он куда-то тянется, даже во сне.

Чародей присел рядом и взял детскую ладонь в свои.

Сах не кипел силой, как другие дети, в которых просыпалась магия, но стоило копнуть поглубже... сомнений не было. Судя по всему, после недавнего всплеска он еще не полностью восстановился.

– Да, он маг, – просто подтвердил Аджит. – Интересно, что я раньше не почувствовал.

– После происшествия няньки сказали, что он и раньше играл с огнем. Большею частью, одежда. То дыры, то горелые пятна. Больше полугода, они не помнят точно.

– Силы было мало, и она сразу выплескивалась, – заключил чародей.

– Я тоже так подумала.

Помолчав мгновение, Илайя выругалась.

– Послушай, но Раид – любящий отец! – Он поднял взгляд и увидел на лице сестры гримасу.

– Любящий отец вырос в религиозной семье. В имении вечно ошивались жрецы, храм Усра у Весенних ворот выстроили на их золото. Как преставились родители, стало попроще, а лет пять назад мы жили по божеским законам. Иногда... иногда это даже хорошо. Это делает его проще, не как большинство вельмож. А иногда... это ужасно!

– Но это же его сын. Его кровь, – пылко убеждал Аджит. – Раид не сделает ничего дурного! Я тоже живу в Круге, там по-своему хорошо. Спокойно.

– Это покроет нас позором. «Род аби-Кадров восходит ко времени пяти князей, еще до Завоевания», – Илайя выплюнула цитату из родословной, как ругательство. – Да и не в бесчестье дело...

Она начала ходить кругами, словно пленник в невидимой клетке, с каждым шагом припечатывая новые обвинения.

– Нет, честь рода ему и в голову не придет! Он слишком чист и милосерден. Не ровен час, замарается... Он будет думать о благе сына и его душе. Отправит Саха в храм замаливать проклятие. Мальчик будет жить... почти обычной жизнью. Пост, покаяние и пустая келья. Замечательно, да?

Гравий скрипел под ее ногами, словно вторя ее словам, и Аджит подумал, так ли его покой в обители отличается от кельи.

– Послушай, – сестра вдруг остановилась. – Жрецы могут лишать магов Дара? Ну... как будто лечение или вроде того. Может, и Саха можно сделать обычным смертным?

– Беса с два он станет обычным, – досадливо ответил Аджит. – Поверь, мы в Круге об этом знаем больше любого жреца. Да, после такого маги не могут колдовать. Вообще ничего не могут, только тарашиться в пустоту и пускать слюни. Мы используем это как казнь: для чародеев, преступивших закон.

– А если скрыть? Раид ведь может... не догадаться?

– У нас с тобой много получилось?

Аджит устало вздохнул, подбирая слова.

– Ты не думала, откуда появился Круг? Почему он был задолго до узурпатора? Если ее не подчинить, сила начнет выплескиваться. Когда тебе хорошо, когда испугана, злишься – всегда во время сильных чувств. Нас учат управлять Даром. Если оставить Саха так... Ну, хорошо, если дом сгорит, а он выживет.

– Как вы раньше жили, до Круга?

– Как-то жили. Потому и считают, что мы противны богам. Маги опасны... Это так, если коротко, – чародей невольно усмехнулся.

Гравий заскрипел снова. Чародей молчал, не зная, что сказать.

– Что нам делать? – наконец спросила сестра.

– Для начала отнести мальчика в дом, здесь прохладно.

– Я имею в виду...

Аджит поднял племянника и побряхтел, устраивая поудобнее.

– Ох. Я знаю, что ты имеешь в виду. Дай мне подумать, хорошо? Всего неделю. Я что-нибудь придумаю. Обещаю!

– А за неделю ничего не случится?

– Не должно. Пока он растратил всю силу: пару недель Сах будет вялым, как после болезни. Потом да, сила вернется. Через луну или две.

Они умолкли, чтобы разговор не разносился по коридорам спящего особняка. Впрочем, спали не все: из крыла, где обитал советник, доносилась музыка.

– Что ты сказала Маузу? – спросил Аджит, когда они добрались до комнат сестры. Их обставили почти так же, как покои советника: шелковые занавеси скрывали стенные ниши, мебель была из дорогого черного дерева, а на масло для светильников, наверное, ушло состояние.

– Немного... Нам сюда, у Саха отдельная комнатка. Немного, – повторила она, когда маг опустил ребенка на кровать и укрыл его. – Что я скрываю тебя от мужа. Что не желаю тебя видеть, вот что. А о сыне ничего не говорила, только что он заболел. Еще – ты мне понадобился как целитель.

Аджит один за другим задувал светильники в комнате племянника.

– Плохо. Он может догадаться. И старик будет недоволен. Их... пониманию – едва ли пара лун.

– Старик?

– Верховный маг. Мне пора возвращаться: не хочу встречаться с советником. Ложись-ка ты тоже спать.

– Думаешь, я смогу уснуть? – Илайя потянулась за кувшином вина, но чародей мягко отобрал у нее чашу и убрал за спину.

– Положись на меня. Не хочу только, чтобы ты рухнула, где стоишь.

Сестра наконец-то улыбнулась.

– А я потом опять ничего не вспомню? Великая Мать, Адж, ты опасный человек!

Чародей хотел было найти шутку в ответ, но так и не смог.

«Боги-боги... что же я делаю?»

Не то чтобы Аджит не знал ответа – просто гнал его, как гонят назойливого москита. Беда в том, что голос совести был настырнее и куда громче. Вдобавок ко всему чародей устал от безделья, солнце, хоть и осеннее, начало припекать, а настоящая мошкара лезла в лицо и под одежду.

«Что, если я ошибся? Если они не едут сюда, а наоборот удаляются? Сколько ждать прежде, чем отправиться на поиски?»

Неизвестно, сколько вопросов скопилось бы в голове мага, если б не охотничьи рожки. Звук отразился от песчаниковых скал, поплутал по роще и скатился к морю. Следом эхо принесло и отголоски собачьего лая.

«Думать будешь потом», – сказал себе чародей, пробираясь сквозь заросли и оглядывая кусты в поисках тропы. С тропой было туго. И он, и охотники оставили Прибрежный тракт с утра – какая охота вблизи от людных селений? Однако вельможи путешествовали верхом, и маг смирился, что если не хочет попадаться на глаза, мало-мальски приличные тропы нужно оставить им. Сверху наблюдать было даже удобнее.

Но как бы не упустить благородное сборище, заплутав!

Аджит прислушался к ощущениям. Он вырос и прожил в городе почти тридцать лет, маг не привык к просторам, и все же слышал людей буквально на краю слышимости. Если так можно сказать о колдовском чутье.

Южный лес словно насмехался над ним. Раскинувшись на высоких обрывистых холмах, растянувшись вдоль берега на четыре счёна, он был единственным клочком дикой природы в окрестностях столицы. Неровный рельеф помешал распахать, вырубить и застроить его столетия назад – и с тем же несносным характером он подсовывал на пути мага овраги и заросшие кустарником буреломы.

«Если так будет продолжаться, природа потеряет очарование, – подумал маг, оставив клок одежды на ветвях терновника. – Надо запомнить: замышлять что-то исключительно в городе, желательно в кварталах богачей».

Лес, впрочем, сжалился над Аджитом, выпустил его на вершину поросшего кустами склона. Отсюда он намеревался следовать за охотниками до привала. Рожки звучали совсем близко, а лай не смолкал ни на секунду. Теперь к ним прибавился еще и стук копыт. Удивительно, как они не распугали дичь таким-то гамом?

Задумываться об этом было некогда – процессия вынырнула из-за скалы, звеня оружием и сбруей, переговариваясь и смеясь. Настоящие вельможи: даже в охотничьих костюмах пестро одетая компания напоминала придворный раут.

Аджит отступил под сень кедра ниже по склону. Настало время иллюзий – благо запрещенные чары здесь слышать некому. Пока судьба была к нему благосклонна, но маг не обманывался: в плане, наспех слепленном за пару дней, найдутся слабые звенья. У строптивницы будет много поводов оставить его в дураках.

Именно о судьбе он думал, когда услышал об охоте.

Это было наутро после разговора с сестрой, бессонной ночи и тысячи проклятий, которые он обрушил на богов. Судьба явилась в разговорах в трапезной обители, а также в требовании целителя, пришедшем в тот же день. На сей раз Дар Аджита понадобился землевладельцу в загородном имении к югу от города. На самой опушке леса.

За последние дни он провел такую грандиозную работу, что бесы, совращающие души праведников, задохнулись бы от зависти. Он знал об этой компании все. Кто входил в нее. Охотничьи привычки Раида. Маршрут. Скольких трудов ему стоило вырваться из обители не только ради этого дня, но и чтобы заранее обшарить тропы, едва не обнюхать каждый куст!..

Солнце перевалило за полдень, когда охотники наконец устроились на привал. Десять достойных: придворные юнцы, Раид среди них был самым старшим. Каждый имел при себе слугу, один из них выполнял обязанности псаря. По кругу пошла фляжка. «Вино? Было бы неплохо!» Но слишком уповать не стоило, речь шла о крупной дичи. Запахло костром. Магу оставалось лишь глотать слюнки. Ожидая, когда группа двинется дальше, Аджит отыскал взглядом зятя и стал наблюдать.

Несколько лет назад маг поинтересовался, как Илайю угораздило связаться с ревнителем.

– Рай вовсе не фанатик, – отрезала сестра. – И... у его воспитания есть достоинства. Он не злится. Не горд. Работает много, принимает слабости других. Нетребователен, но заботлив. В общем, ты увидишь. Он очень сильный человек.

– Фанатики вообще сильные люди, – недовольно пожал плечами Аджит. – Убеждения придают сил. Которые у обычных людей уходят на поиск ответов.

– Он. Не. Фанатик, – подчеркивая каждое слово, повторила Илайя.

– Он так добр! Почему ж его милостью маги сидят в тюрьме?

– Ты хочешь знать его мнение? Или мое?

Чародей махнул рукой и бросил:

– Мне все равно.

– Если угодно, жрецы помогают всем. Но они верят, что колдовство меняет мир и искажает волю богов, и маги творят это зло сознательно. Жрецы ждут, что колдун сперва откажется от своей силы, и тогда ему помогут... обрести в душе мир.

– Если от нее что-то останется. Так себе довод, – скривился Аджит.

– Как бы там ни было... Я не согласна с ним. Но пока дело не касается семьи, я вижу больше хорошего, чем плохого.

Аджит не знал, по-прежнему ли она так считает, но теперь ему предстояло столкнуться с «сильным человеком» лицом к лицу.

За воспоминаниями время пролетело незаметно, и вот уже слуги начали забрасывать костер. Чародей мгновенно собрался, когда один из охотников пошел к лошадям. Теперь действовать предстояло быстро: сейчас они оседлают коней и рассыплются по лесу для загона дичи. Именно тогда Раида нужно отделить от остальных.

Слуги, кроме псаря, остались присматривать за лагерем, Аджит больше не обращал на них внимания. Его взгляд был прикован к рослой фигуре в охотничьей куртке, верхом на гнедом жеребце.

Маг начал карабкаться по осыпающемуся склону, чтобы не потерять Раида из виду. Легче сказать, чем сделать! Каким-то образом кустарники цеплялись корнями за скат, а из-под его ног земля словно уползала. Краем уха Аджит услышал лай, это гончих спустили с поводка.

Испарапав в кровь руки и обзаведясь ссадиной от хлестнувшей по лицу ветки, маг все же взобрался на склон и увидел, что охотники растянулись цепью, насколько позволяла местность, – и теперь удаляются.

Подождать пока разъедутся еще дальше? Так недолго и потерять их. Чародей выругался.

Найдя взглядом зятя, он потянулся к сознанию лошади.

Рысца... полный желудок... чистая, наполняющая все радость движения. Аджит стегнул жеребца, точно плетью. Какая-то часть его продолжала наблюдать, он видел, как резко остановился конь, встал на дыбы. «Беги!» – послал сигнал Аджит, и тот припустил во весь опор. «Прочь! Прочь!» – приказывал чародей, подгоняя коня все дальше к берегу.

Оставаться на месте нельзя, иначе ему не догнать всадника. В последний раз подхлестнув лошадь, Аджит скатился с холма и устремился через подлесок.

Ветви пожелтевшего от жары тиса хлестали его по лицу. Камни и сухие сучья бросались под ноги. Спуск. Подъем. Спуск... Еще подъем. Один раз Аджит испугался, что потерял всадника, но увидел вдали в распадке темное пятно. Еще немного – и они скроются из виду!

Прыжок. Аджит словно вытянул руку, коснулся кривого дерева на противоположном склоне, разглядел каждую трещинку коры – а затем подтянулся к нему. На миг сознание помутилось, но когда он открыл глаза, увидел кору настоящим зрением.

Чародей бросил взгляд вниз. Жеребец начал успокаиваться, и маг еще раз хлестнул его. Теперь осторожнее. Аджиту нужно было загнать всадника в определенное место, где тропа огибала утес, зависнув над морем. Мало подстегивать коня, теперь чародею предстояло управлять им.

Жеребец сам не понимал, что с ним творится. Его губы горели от удил, а бока от шпор – но страх гнал его, вопреки воле всадника. По бокам от тропы сгущались тени. Обезумев от ужаса, конь шарахался прочь, не осознавая, что его ведут. Войдя в сознание животного, Аджит и сам разделил с ним часть боли.

Наконец он толкнул жертву в овраг, который выведет их к нужному месту, и вернулся в себя, тяжело хватая ртом воздух. Прислонился лбом к стволу ближайшего дерева и сполз наземь. Бока саднили. Уголки губ драло так, будто он прикусил раскаленное железо. Вдобавок он сильно прикусил язык.

Сплюнув кровь и выругавшись, Аджит с трудом поднялся на ноги. Нужный ему утес напоминал фаллос, маг без труда нашел его среди поросших соснами скал. Попытался сосредоточиться для прыжка – и понял, что власть над обезумевшим животным отняла слишком много сил.

«Ну же, глупец, ты слишком далеко зашел!»

Он сосредоточился на зарослях кустарника, к которым хотел перенестись, но зрение мутилось, куст представлялся не то чудищем, не то кляксой цветных чернил. Что же, придется так. Рывок... острые камешки оцарапали его колени, и маг ткнулся носом в листву.

Раид был там, внизу.

То ли он утихомирил жеребца, то ли конь попросту выдохся, но вельможа уже спешился и теперь вытирал взмыленные бока клоком травы. Прямо за ним виднелось море: такое чистое и огромное, что взгляд терялся в синеве. Где-то там, на закате, лежали земли, где магов не преследовали. Слишком далеко. Мир Аджита заканчивался раньше: в размытой линии, где волны переходили в выбеленное жарой небо.

Вдохнув и выдохнув, Аджит ступил в пустоту и медленно опустился на тропу внизу.

– Здравствуй, Раид, – просто сказал он.

Нужно отдать должное – вельможа почти не вздрогнул. Он обернулся медленно и спокойно, даже не схватился за оружие. На открытом лице – настороженность, но и доброжелательность. Темноволосый, темнобородый... Сахир станет таким же, когда вырастет.

– Кто ты? – спросил придворный. – Откуда знаешь мое имя?

– У нас мало времени, поэтому не обессудь, начну без предисловий. Я брат твоей жены.

– Ты шутишь, – Раид улыбнулся, но маг верил его улыбке не больше, чем своей. К тому же чародею показалось, что в рукаве вельможа прячет нож.

Бряд ли стоило его винить. Длинный, худой и нескладный, с непослушными, вечно всклокоченными волосами, а теперь еще грязный и исцарапанный, Аджит и верно походил на безумца. Нервным жестом пригладив волосы, маг рассудительно сказал:

– Я бы не затевал эту кутерьму, чтобы подшутить. И не гадай, как поудобней перехватить нож, до меня ты не дотянешься.

Улыбка сползла с лица зятя, когда воздух заколебался и сгустился, составив плотный щит, разгородивший тропу меж ними надвое.

– Ты колдун!

Аджит вздохнул.

– Начнем сначала. Я брат твоей жены, и да, я маг. У Илайи родинка на правом бедре, с внутренней стороны, и еще одна на боку, под мышкой. Она родилась в доме Замра Рахада, торговца тканями, любит фиалки и терпеть не может имбирь. Этого достаточно, чтобы ты пове-
рил?

Раид молчал. Словно понимая, что его мучитель рядом, конь беспокойно переступал с ноги на ногу.

– Прекрасно. Я подготовил все, чтобы поговорить о Сахире. Видишь ли, он тоже маг и он мой племянник, так что я беспокоюсь.

– Ты лжешь, – выдохнул Раид. Потом рассмеялся. – Сах? Колдун? Ты сумасшедший!

Аджит улыбнулся.

– Мы можем начать еще раз, время есть. Мне незачем было...

– Чего ты хочешь? Уступок? Чтобы я что-то сказал о... твоих друзьях под следствием? Чьего-то освобождения?... Ну? Отвечай же!

Чародей дал ему выговориться и продолжил:

– Как я сказал, меня волнует только племянник. Несколько дней назад Илайя заметила те знаки пробуждения Дара, что были у меня. Пока она гостила у советника, я осмотрел мальчика и могу подтвердить: в нем спит Дар. Я не знаю, за что боги прокляли его родиться в наши дни. Илайя не верит, что ты отправишь Саха в Круг: она говорит, ты скорее сделаешь его слабоумным, лишь бы не опорочить род.

– Ты не получишь Саха, если ты об этом толкуешь.

Проклятье! Маг часами продумывал разговор, но, как обычно бывает, слово за слово тот свернул не туда.

– Я не требую твоего сына. Я здесь, чтобы убедиться, что с мальчиком все будет хорошо. Что ты не тронешь его, не отправишь жрецам. Ты можешь выбрать любую обитель, в любом из городов Царства. Если его не обучить управлять Даром, сила убьет Саха.

– Так вот как прирастает ваш род? Отбираете детей у родителей? Хочешь, чтобы я отдал сына, чтобы вы сделали из него себе подобного?

– Магом не становятся, магом рождаются, – как можно спокойнее произнес Аджит. – Твой сын родился им, хочешь ты или нет. Речь о том, как ты это воспримешь.

В руке зятя все же показался кинжал.

– Уйти, отродье! Я не заключаю сделок с колдунами. И не намерен говорить с тобой. Уж ты-то должен знать.

– Хорошо, давай зайдем с другой стороны. Я боюсь за племянника так же, как ты за сына. Из-за тебя и других ревнителей у меня никого нет. Я не допущу, чтобы с Сахом что-то случилось! Все приготовлено. Если мы не договоримся, я просто столкну тебя вниз. Давай, посмотри через край: там только камни и волны... Все подумают, что лошадь понесла и сбросила вас обоих. Единственная надежда уйти отсюда – заверить меня, что с мальчиком все будет хорошо. Видят боги, ради Лай я не хочу это делать!

– Уходи!

Раид начал наступать, и маг, не желая ввязываться в драку и еще надеясь убедить его, сделал шаг назад.

– Вельможный дурень! Ты слышишь, что я говорю?

Однако придворный прыгнул. Не будь Аджит магом, предплечье зятя ударило бы его в горло, а вторая рука вогнала бы в живот нож. Однако щит по-прежнему висел меж ними, Раид наткнулся на преграду и отскочил назад.

– Мы давили вас десять лет. Но, видно, были слишком милосердны...

Что уж там было в его глазах? Гнев? Ненависть? Отвращение? Аджит не знал, да и не хотел всматриваться.

– Тогда отправляйся в пекло, – проговорил маг и толкнул стену силы перед собой.

Чародей не сказал бы, сколько времени прошло. Должно быть, мгновения – хотя для него они растянулись на добрый звон. Подойдя к краю обрыва, он заглянул вниз. Конь придворного подергивал ногами и стонал. Раид лежал, раскинув руки, с разможенной от удара головой. Ненасытные губы волн раз за разом касались окровавленного камня, точно дорвавшись до пиршества, но не решаясь приступить.

Маг отвернулся и быстро пошел прочь. Ему еще нужно было убираться из леса.

Теперь ему не от кого было скрываться, Аджит подошел к воротам и замер, не донеся руку до дверного молотка. В знак траура его обвязали черным платком. Из-за стены маг не видел самого здания, лишь красную мозаику вдоль плоской крыши – но не сомневался, что окна закрыты, а внутри царят тишь и скорбь.

Обругав себя за малодушие, маг постучал.

Он насчитал дюжину ударов сердца, пока в воротах не открылось решетчатое окошко, показалась седая борода привратника. Видимо, облик Аджита удовлетворил слугу: тот соизволил не послать мага прочь, а заговорить.

– Кто бы ты ни был, в этом доме траур. Если хочешь принести соболезнования, подожди несколько дней. Госпоже сейчас тяжело видеть гостей.

Он уже хотел закрыть окошко, но чародей остановил его:

– погоди! Скажи госпоже, что это целитель, я лечу ее сына. Траур или нет, мне нужно видеть мальчика. *Ему* это нужно.

– Целитель? В этом доме не рады колдунам.

– Поэтому в первый раз я осматривал его не здесь. По просьбе госпожи. Просто передай ей. Я уйду, если она не захочет меня видеть.

Привратник буркнул нечто похожее на «Жди» и захлопнул окошко.

Чародей ждал. За спиной кричали уличные торговцы, нахваливая жареный миндаль и засахаренные фрукты. Ржали лошади, громыхали по брусчатке подводы. Тишина за воротами была такой густой, что впору резать. Наконец вместо окошка в них приоткрылась дверца, и статный старик в длинном одеянии махнул рукой.

С дорожек сада второй день не сметали листья, их шаги сопровождался неумолчным шорохом. Кипарисы печально клонились на ветру, тамариск перебирал ветвями, точно всплескивая руками в отчаянии.

– Госпожа примет тебя в своем покое, – говорил привратник. – Во время скорби мы не разжигаем печей и питаемся дарами земли. Увы, нам нечем угостить тебя.

– Я пришел не за этим, – пожал плечами Аджит. – И тоже чту традиции.

Все окна в доме были завешены черной парусиной, внутри было тихо, пусто и полутемно. Маг следовал за стариком, не показывая, что знает дорогу.

Илайя сидела у окна, еще более хрупкая и бледная, чем обычно.

– Лай? – неуверенно позвал он. – Лай? Ты слышишь?

– Горе не сделало меня ни слепой, ни глухой, – бесцветным голосом откликнулась сестра. – Сахиру в самом деле нужна помощь?

– И да, и нет. – Аджит присел перед ней на корточки. Нервно пригладил волосы. – Я пришел, как только узнал. Решил, что могу понадобиться. А Сах... ну, его неплохо бы осмотреть, нужно понять, как быстро растет его сила. Но не обязательно сегодня.

– Где-то там было кресло, – Илайя махнула рукой в полумрак. – Сядь. Не могу видеть, как ты смотришь снизу вверх.

Чародей выполнил ее просьбу, подтащив сиденье к окну, но молчание затягивалось. Чтобы нарушить тягостную тишину, маг произнес:

– Мне очень жаль. Я убеждал старика, чтобы тот забрал Саха силой. Часть меня рада, что все так сложилось, но честно... мне жаль. Я знаю, что ты его любила.

Сестра усмехнулась своим мыслям, но не ответила.

– Я не большой знаток, что делать в таких случаях, – заговорил вновь Аджит. – У нас в Круге... редко встретишь большую близость, чем давние друзья. Я не сталкивался с горем. Но знаю, что ты должна заняться делом. Нельзя просто так сидеть! Я помогу всем, чем смогу. Все что угодно! Увы, мои чародейские мозги не придумали ничего умнее... присутствия.

Похоже, он заинтересовал сестру, потому что она, наконец, подняла голову.

– У вас что, нет семей? А Джамила?

Мягкие руки чародейки, и все ее ласки, и тихий смех... Внезапно маг понял, что ведь ему отчаянно повезло.

– О, нам никто не запрещает, если ты об этом! – поспешил он заверить ее. – Просто нас мало. Непросто подобрать пару. В таком-то замкнутом пространстве. Любовников много: мужчин и женщин примерно поровну. Но редко кто затягивает дольше пары лет. Я... был бы счастлив, но боюсь загадывать.

За окном прошли двое слуг, несмотря на траур, они с упоением судачили о завтрашнем базарном дне. Две тени скользнули по занавесям, напряжение стало таким осязаемым, что покалывало кожу.

– Ты, наверное, хочешь знать, о чем я думаю? – нарушила молчание Илайя. – На самом деле ни о чем. Да, я горюю, но знаю, что со мной остался бы или муж, или сын. Я просто сижу, проклинаю богов, себя и ни о чем не думаю.

– Тебе нужны люди, а не тишина!

– Траур длится три дня, – сестра пожалала плечами. – Я их заслужила. Послезавтра я снова стану придворной дамой. Пока что... я хочу просто посидеть.

Они и сидели. По правде сказать, Аджит не знал, долго ли. Время стало вязким и липким, минуты тянулись неимоверно тяжело. Наконец Илайя перешла к делу:

– Ты хотел осмотреть Саха. Он в своих комнатах. Я стараюсь быть рядом, но он наверняка проснулся, ты будешь кстати.

– Это совсем не обязательно! – Чародей коснулся ее запястья. – Его сила будет восстанавливаться пару лун. Я просто хочу понять, как быстро он крепнет.

– Обязательно, – отрезала сестра. – Я решила не отдавать его в Круг.

– Дыхание Бездны! Лай, ты сошла с ума...

– Ни капельки. Я не могу потерять еще и сына. Мы уедем. У нас куча золота, а в Рассветных королевствах Сах станет обычным человеком. Никому и дела не будет, маг он или нет.

Аджиту потребовалось несколько вздохов, чтобы переварить услышанное. Все это... не сразу укладывалось в голову.

Давным-давно, еще учеником, чародей спросил Верховного – почему маги не соберутся и попросту не уйдут из Царства? Да, они проиграли, но ни узурпатор, ни войско не остановит несколько тысяч чародеев.

Газван фыркнул:

– Куда?

– Да куда угодно! На востоке, на западе... маги живут по-разному, но живут же, да? Все лучше резни.

– Кишки Усира! Вот учу я тебя, учу – а без толку. В Круге полно самовлюбленных олухов, но такое даже я впервые слышу.

Аджит уже понял, что сморозил глупость, но упрямо молчал, ожидая пояснений.

– Ну хорошо, – вздохнул Газван. – Мы соберемся вместе, положим сотни собратьев... Вырвемся. А дальше-то? Через год родится еще пять сотен магов. Мы их красть будем? Или бросим, пускай их топят, как котят?

То был глупый вопрос, им никуда не сбежать от самих себя. Но у двоих достойных может получиться. И пока никто не знает, что Сах маг...

– Ты права, – наконец нашел, что ответить Аджит. – В действительности дело будет. В Рассветных королевствах мало чародеев, там ценят Дар, но... он ведь будет чужаком! Вы оба будете. Здесь у вас есть дом, положение. Там вы никому не нужны...

– Деньги нужны всем.

– Сах не будет говорить на языке Царства. Там все чужое! Боги, сестричка, я никогда не думал, что «моя земля» что-то значит! Ты серьезно?

– Совершенно.

– А как же... традиции? Родословная? Ты же... не лишишь Саха друзей, положения... вот так?

– Если твоя земля тебя ненавидит, не грех ее и потерять. – Сестра смирила его странным взглядом. – Что до родословной, в Круге Сах лишится всего. И ты подумал обо мне? Я смогу жить в Раидовом имении, но после смерти оно уйдет владыке. Так не лучше продать его казне, получить чистое, звонкое золото и уехать? Сейчас, пока никто не знает?

Ответить на это было нечего. Каждым словом Илайя говорила правду – и каждое слово резало, как нож лекаря.

– Я... я надеюсь, ты передумаешь.

– И зря. Ты плохо знаешь свою сестру, – помолчав мгновение и качнув головой, она выдохнула: – Иди. Ты нужен мальчику. И потом... не знаю, когда вы теперь увидите. Я постараюсь забрать тебя, но нужно время.

Помня, что с сестрой в таком состоянии лучше не спорить, Аджит поднялся. Он был уже у дверей, когда Илайя его окликнула:

– Адж... ты хотя бы поговорил с ним?

Глупо было отпираться и прятаться за новой ложью. Обернувшись, маг признался:

– Я думал над разговором днями, но все пошло не так. Он напал на меня. Это моя вина, я не нашел слов.

– Ты и не смог бы, – ответила Илайя. – И никто бы не смог. Иди. Сах будет рад тебя видеть.

И он ушел.

2

Торговец рыбой из Ночной гавани был не из тех нанимателей, к которым Аджит привык. Пользуясь положением подле Первого-в-Круге, обычно он бывал в домах знати или, во всяком случае, чиновников и землевладельцев. И неудивительно: кто еще мог позволить себе услуги целителя?

Хотели-то, должно быть, многие – после азасова пленения магов столичная медицина осталась изрядно потрепанной. Нет, среди простых смертных встречались хорошие лекари. Но как-то веками складывалось, что это ответственное дело доверяли чародеям.

Так что он невольно кривил нос от витавшего над гаванью запаха рыбьей требухи и старался не морщиться от манер нанимателя. Аджит вздохнул с облегчением, когда Верховный вызвал его к себе. Все лучше, чем лечить полуграмотного болвана, уверенного, что прав тот, чей голос громче.

Газван сразу прервал его приветствие, резким жестом указав на кресло.

– Ты долго бездельничал, мальчик! – сказал он, не дожидаясь, пока маг сядет. – Пора заняться чем-то полезным.

Интересное начало. Что ж, посмотрим, куда оно их заведет.

– И вот что. Мне не нравится история с советником.

– Вы имеете в виду не исцеление, я правильно понял?

– Я говорю о твоей сестре и ваших тайных встречах, – фыркнул Верховный. – Теперь Мауз решит, что у него есть ниточка, за которую можно потянуть. Меня, тебя... да кого угодно.

Что ж, по крайней мере, это было справедливо.

– И еще меньше нравится охота и отъезд твоей сестры. Ты долго работал с осторожными заданиями. Это не должно было случиться.

Аджит не хотел гадать, что известно Верховному, и потому решил молчать, пока старик не выложит все обвинения.

– В общем, наварил ты варево, с гадюкой и перцем, – заключил Газван. – Семейные дела плохо сказываются на твоих мозгах, мальчик. Пришла пора заняться общими. Скажем, чтобы загладить вину.

– Надеюсь, советник пригодился Кругу?

– Пес его знает... Открою маленький секрет: при дворе не все так уж ненавидят магов. У меня есть высокородные друзья и больше половины двора... по меньшей мере, им до нас нет дела. Они подгавкивают святошам, когда нужно, но им все равно. В какое стойло отнести Мауза, я пока не понял.

– Золотой двор... это казна, и подати, и торговля, – сказал Аджит. – Сестра действовала сама, не посоветовавшись, но я решил, от их знакомства не будет большой беды. Можно дать толстяку ниточку. Он нам и вправду нужен.

– Да, он бы не помешал, – согласился старик. – Если хочешь, вот другой расклад. В Царстве есть Железный, Бумажный и Золотой дворы. Войско однозначно против нас. Высокий судья как раз союзник. Он получал образование в Круге. А казначейство... ни так, ни сяк.

– Хотите выяснить, кто для нас Мауз?

– И это тоже. Я просто рассказываю, что да как. О делах сейчас поговорим.

Так знает или нет? Проклятье! Аджит не понял, принуждает его Верховный заняться делом, шантажируя охотой, или просто поворчал для остротки. В любом случае, что бы тот ни задумал, это интереснее, чем лечить купцов.

– Видишь ли, мальчик, я не только протираю задом кресло. – Газван и впрямь лучился довольством. – Когда прикрываешь крикунов по всему Царству, до раздумий редко доходит дело. Но я размышляю не только о сегодняшнем дне, но и о завтрашнем.

Он помолчал, не то подбирая слова, не то интригуя. А может, то и другое сразу.

– Ты знаешь, у меня есть теория насчет войны. Наш Царь Царей невзлюбил магов, но там, – он указал большим пальцем за спину, где в темноте скрывалось окно, – им там плевать на Круг. Жрецы и раньше на нас кривились. Никому не было дела, пока наши предшественники вконец не зарвались. Узурпатор восстал против магов, но крестьяне-то восстали против господ. Его бы никто не поддержал, кабы одно не совпало с другим. Что это для нас значит?

– Что простые смертные могут стать союзниками?

– Почти, почти... Почти, да не только. Это значит, что ревнитель в золотой маске не нужен никому. Пройдет лет десять или пятнадцать, пока он станет костью в горле. Всем, кто его поддержал. Но мы-то не хотим ждать столько лет. И, главное, не хотим, чтобы люди все время слушали, что маги спят с ночными тенями и едят младенцев.

– Вы хотите... приблизить этот день? – осторожно спросил Аджит.

– Ни в коем случае! Ни при каких обстоятельствах! – Старик даже подался назад, словно хотел быть подальше от этих слов. – Это все бредни насчет могущества и господства, не слушай старых олухов, которые ими грезят! Маг сильнее простого смертного. Больше может, больше знает. У нас есть сила... Но мы не можем воевать со всем миром. Это то, чему нас научила война. Мы можем прийти к власти своим умом, по достоинству занимая высокие посты. Силой нам не одержать верх. Мы даже не сумели удержать власть, когда вся страна обернулась против.

– Значит, страна должна быть за. Я ведь хожу в город. Я смутно помню царей-чародеев, но, поверьте, сейчас плохо всем: и ремесленникам, и торговцам... даже чиновникам.

– Вот именно, что плохо всем! Поэтому, когда маги кричат, что их заперли в тюрьму, этого никто не слышит. Посмотри вокруг: каменные палаты, роскошная мебель... да хоть твои одежды. У большинства горожан ничего этого нет. Мы никогда не выйдем из застенков, пока Царство сидит по подбородок в дерьме. Мы кричим о своей исключительности и что нам должно стать еще лучше. Не за то нужно бороться, чтобы вельможи дали нам свободу. А за то, чтобы купцы, ремесленники, чинуши считали нас своими. За умы. Когда ты одержишь верх в умах, следующей битвы не потребуется. Торгаши и чернь на руках вынесут тебя из обители.

– Я... кажется, я понимаю, – медленно проговорил Аджит. – Поэтому вы не ропщете. И посылаете нас выполнять грязную работу. Дороги, каналы, расчистка полей – все это схватка за умы?

– Почти, – довольно кивнул старик. – Я не злю Азаса, а мы работаем вместе с простыми смертными. Бок о бок. Но этого мало! Нужно строить самим, не по указке Царя Царей. Что-то полезное. Не благотворительность: еще подумают, будто мы искупаем вину. Это примут как должное. Нет, совсем другое. Лечебницы. Мастерские. Школы...

Газван скривился.

– Нет, к детям нас никто не пустит. Но пусть так, без школ... Ты понял, о чем я расписуюсь. Мне нужны деньги и помощь Золотого двора. Мы не откроем лечебницу Круга, а вот царская лечебница, в которой исцеляют маги, – другой разговор. Маузу золото, а чернь со временем привыкнет, что Круг – это хорошо. Что Круг делает больше, лучше, чем чиновники. Что мы везде и мы свои.

– Вы хитрый старый бес, мудрый!

– Я тоже горд собой, – довольно проворчал Газван. – Ты догадался, что все это устроишь ты?

– Почему я?

– Потому что ты сын купца, а не босяк и не придворный. Потому что ходишь в город. И еще – потому что мне не нравится история с охотой. Довольно?

– Вполне.

Чародей постарался не измениться в лице.

– Тогда иди и думай. И ищи людей. Одного тебя не хватит. Непременно поговори с советником. Мне интересно, что тот скажет, но пусть это будет твоя затея. Потом расскажешь.

– Я могу идти? – поинтересовался Аджит.

– Если можешь встать под грузом ответственности.

Закрыв за собой двери проклятого кабинета, Аджит прислонился к ним спиной и постоял немного, приходя в себя. «Знает... Наверняка ведь знает, старый пес! И ему все равно». По правде сказать, чародей не был уверен, что Первый-в-Круге подозревает его в убийстве. Старик не сказал ничего особенного... да, как будто обычное ворчание. Но если за годы он что и понял о Верховном – так это что Газван опасней стаи шакалов. И куда умнее.

Вспомнив, что старый маг по-прежнему чувствует его через дубовые створки, Аджит собрался с силами и отлепился от дверей. Обернулся, в первый раз в жизни рассмотрев резьбу. Обычная охотничья сцена, вечная погоня: резные львы, которые никогда не догонят резных же ланей, тигр застыл с поднятой лапой, не смея погрузить когти в круп жертвы. Рисунок вырезали несколько веков назад, морды всех животных были повернуты к зрителю.

Беги, как будто говорили лани, тебя ждет погибель. Уноси ноги, безмолвно скалились львы, ты убийца.

Маг тряхнул головой и провел рукой по лицу, словно снимая липкий и страшный морок.

Он ожидал, что заключит Джамилу в объятия – впервые после долгой и такой тяжелой разлуки – но чародейка не вышла ему навстречу: дубовая дверь отворилась сама, подчиняясь воле хозяйки.

– Проходи, – бросила она, не отрывая взгляда от книги.

Их покои были почти одинаковыми... да в Круге все покои как две капли воды, но здесь сами стены говорили, что в них обитает женщина. Ноги тонули в густо-синем, цвета южных морей ковре. Недорогие, но искусно выкованные медные лампы мерцали вдоль стен, в расписных глиняных мисках лежали лепестки роз, источая тонкий, едва слышный в вечернем воздухе аромат.

– Это хорошо, что ты пришел...

Как будто с вызовом – или, может, насмешливо – Джамила разглядывала его, наклонив голову. Она позволила Аджиту коснуться губами прохладной щеки и лишь тогда закончила:

– Как раз хотела с тобой поговорить.

Сердце, кажется, пропустило удар. Что, и она тоже? Чародей вымученно улыбнулся.

– А я всегда рад тебя слушать!

Маг опустился на ковер у ее ног, как делал сотни раз прежде – в комнате Джамилы был всего один стул, но тут же пожалел об этом. Смотреть снизу вверх, пытаясь унять неловкие, ставшие словно деревянными руки – не лучший выбор.

– Я хотела... нет, не буду ходить вокруг да около. Мне это все не нравится.

Боги, они точно сговорились! Но ведь она не может знать, никак не может. Откуда?

– Ты знаешь, как я отношусь... Великая Мать! – Джамила спрятала лицо в ладонях. Глухо произнесла: – Я столько проговаривала, что скажу, что я хочу сказать... Тебя слишком долго не было. Все слова куда-то делись.

Аджит хотел бы прикоснуться, обнять, утешить – но чародейка отстранилась от его руки. Она резко поднялась и отошла подальше, к усыпанной подушками постели.

– Ты помнишь, как все начиналось? – немного невпопад спросила Джамила. – На самом деле я решила, что в столичной обители восемь сотен мужчин, включая стариков. А ты не так уж плох. Не хуже других, ведь не кидаться на учеников. И потом, человек Верховного, куда без этого... Смешно сказать, мне все завидовали, а я... я ждала твоего прихода и думала, что ты неплох, и я не вижу, не знаю никого лучше. Это потом я привязалась. Хотя не сразу поняла.

Чародейка прошла по комнате, нервно сцепив руки.

– Так вот, ты знаешь, как я отношусь... нет, не к твоей сестре, а к тому, сколько места она занимает в твоих мыслях. Мне никогда это не нравилось, но я понимаю: горе, отъезд... я правда понимаю. Но ты пропал на месяц. Целая луна, Адж! Ни слова, ни предупреждения... А теперь ты приходишь как ни в чем не бывало. Как будто так нужно, и мы попрощались вчера!

Это было странное, двойственное ощущение. Огромное облегчение... но и глухая боль где-то внутри, под грудиной.

Не так уж плох. Не хуже других...

– Что я должна была думать, Адж? Что я фарфоровая кошечка? Можно снять с полки, погладить, но ведь она не просит есть... как вспомнил, так и вспомнил? Что у тебя неприятности? Что ты придешь, совсем скоро, вот-вот... чтобы опять пропасть без вести? Да, я привязалась наконец, теперь я знаю точно. Но если так будет дальше, я как-нибудь уж справлюсь сама.

– Я не... – начал он, но чародейка не дала ему договорить.

– Адж, я женщина, – припечатала колдунья. – Да, я маг, но по-прежнему женщина. Я хочу, чтобы, когда мне захочется, меня обняли... чтобы рядом был человек, готовый меня обнять. А вместо этого жду, уговариваю себя, что все хорошо, что я нужна тебе, что можно потерпеть еще немного. Что я должна быть сильной и не жаловаться. Я все должна, должна... Скажи, Адж, кому и отчего вдруг я должна?

– Ты никому ничего не должна! – Аджит поднялся с ковра. Проклятье, если он не проявит твердости, он потеряет и ее тоже. – А я виноват, я знаю! Но и ты понимаешь, что не права.

– В чем же?

– Дыхание Бездны! У Лай был траур, она сама не в себе. Потом она собиралась, я должен был побыть с ней, с ребенком. А потом... я просто спал. Можешь злиться, обижаться, но я просто спал, два дня напролет.

Теперь пришел черед Джамилы искать слова.

– Ты никому не должна, – еще раз повторил Аджит. – Но ты тоже не забивала голову, что я думаю. Ты ведь знала, как я к тебе отношусь, всегда знала. Размышляла: ах, он не так уж плох... но это ты знала всегда, да? Да или нет?

Он подступил ближе – но, видно, слишком быстро. Или, наоборот, недостаточно: маг хотел взять руки Джамилы в свои, но успел поймать только одну ладонь. Щека вспыхнула от оглушительной пощечины.

– Не смей говорить со мной, как со служанкой!

– Джа...

– О да, я знала, как ты ко мне относишься. И что с любимой ты думаешь только о себе. Это я тоже знала всегда.

– Боги! Ты понимаешь, что не права.

– Конечно, не права. Всегда прав ты. Дело не в этом месяце, так было всегда.

Аджит почувствовал, как его щеки заливают краска гнева.

– Теперь ты разозлишься и еще луну будешь дуться на весь свет, – выплюнула чародейка. – Убирайся.

– Джамила...

– Вон, – просто произнесла она.

– Я надеюсь, ты одумаешься. Что мы оба одумаемся.

Это было глупо, это была суцая бессмыслица, и Аджит понимал, что сотрясает воздух. Колдунья просто смотрела на него, без слов, но взгляд ее не сулил ничего хорошего.

Он постарался не хлопнуть дверью, но, кажется, у него так и не получилось.

После Района Садов трапезная обители казалась затхлым каменным мешком. Она находилась в самой старой постройке Круга, даже в столице осталось немного старинных зданий

и, наверное, ею стоило гордиться. Но после палат сановников, с панелями из яшмы и янтаря, с газовыми занавесями и бронзовыми жаровнями – это был мешок. Хоть бы даже и каменный.

Аджит давно не заходил в трапезную, возвращаясь в обитель слишком поздно или, наоборот, слишком рано для ужина. Чародей предпочитал есть в своих комнатах, благо положение позволяло. Смотреть, как маги собираются в общем зале, как каторжники, было неприятно. Однако эти люди могли ему понадобиться. А значит, следовало напомнить о своем существовании.

Чародей подоспел, когда широкие двери отворились, раскрывая заставленный столами зал. Неофиты сутились, расставляя блюда, соусы и кувшины легкого вина.

Маги обслуживали себя сами: повара и уборщики, ткачи и секретари – все здесь были чародеями. Раньше и сам Аджит проходил службу в кухнях, среди блестящих котлов, огромных печей и утвари, все применения которой знал лишь главный повар. Подростку кухни казались огромным сказочным царством, где воздух пахнет вином, жареным мясом и пряностями. Занятно... То были тяжелые годы, но чародею они казались беспечными. Полноправные маги, что негромко переговаривались и обсуждали дневные заботы, виделись ему небожителями. Наверное, для неофита и он теперь выглядел внушительно: его ковва была черной в знак служения Первому, складки одежды скрывали костлявость фигуры, а высокий воротник поднимал подбородок.

Перехватив взгляд ученика, Аджит приветливо улыбнулся. Ты хочешь знать, о чем я думаю? На самом деле ни о чем...

Его место было в дальней части зала, на возвышении для высших чародеев. Кто там сегодня составит ему компанию?

Наджад, смотритель Зала Камня. Его люди работали на царских стройках, и оттого старик был ближе ко двору, чем к Кругу. Кадар, старший наставник. Этот отвечал за неофитов. Ученики в нем души не чаяли: за сальные шуточки, за ровный нрав и то, что некогда он объездил всю страну. После заточения байки старика стали единственным источником знаний о мире за стенами обители... И, наконец, Умар, еще один слуга Верховного. Он был совсем молод, но годы оказались к нему немилосердны. От сидения взаперти его кожа приобрела нездоровую бледность, а тщательно зачесанные волосы не могли скрыть плешь.

– А, слуга Первого? – заметил его Наджад. – Столько черных одежд навевают черные мысли, знаешь ли...

Видно, это была одна из его странных острот, поскольку господин камня засмеялся. Кадар поднял чашу, приветствуя собрата:

– Он хочет сказать, ты напоминаешь Азаса Черного, да прибавятся его годы и прирастет царство! Отсюда черные мысли. Садись-садись... Боги послали нам ягненка, соус из земляных грибов и салат с заморскими орехами. Жизнь вовсе не беспросветна.

– Твои шуточки над лучезарным сведут тебя в могилу, – надулся Наджад.

– Наставник имел в виду, что мы узурпируем фамильные цвета Царя Царей, – заметил Аджит.

Широкое лицо Кадара разгладилось, а глаза его улыбались. Смотритель Зала Камня не понял, что узурпировать что-то у узурпатора невозможно. Приняв извинение за чистую монету, старик распустил ворот роскошного, сшитого по последней моде кафтана и приложился к чаше.

– Все-таки почему ты здесь? – спросил Умар.

– Иногда нужно напоминать, что ты жив. – Чародей занял свое место.

– Спорно, спорно... – вновь подал голос Кадар. – Когда-нибудь я запрусь в покоях, так что ишейки царя и сам Первый обо мне забудут. Тогда-то я и сбегу из Круга.

– Неофиты помнят, где вас искать, – вставил Умар.

– Брось, молодой человек! Если ты намекаешь... после выговора в мою спальню не заходят ученицы.

Даже чопорный Наджад улыбнулся, не разжимая губ. На дряблом лице улыбка выглядела вымученной и неискренней. Впрочем, и она продержалась недолго – маги принялись за еду.

– Чем занимается Первый? – поинтересовался господин камня, насытившись. – Мы спрашивали твоего коллегу, но он молчит. Неужто среди дел Верховного не найдется ничего доступного нам, простым магам?

– О, ничего важного, господин смотритель...

Аджит умолк, поджидая, пока отойдет неофит, подливавший масло в лампы. Теплый свет согрел потемневшие гобелены на стенах, выхватил старинные скульптуры в стенных нишах. Все они изображали магов древности. Остатки былого великолепия.

– Последнее, в чем я участвовал, – обмен с Золотым двором, – продолжил чародей. – Мы позволим казначеям продавать услуги магов, а они станут закупать нам нужные товары.

– Чем это отличается от работ, в которых участвует Зал Камня?

– Списком услуг, – глухо ответил за Аджита Умар. – Речь о дюжине ремесел, от целительства до ювелирного дела.

– Не думаю, что у них что-то выйдет. – Смотритель поджал губы и потянулся за следующим блюдом. – Царь Царей не желает, чтобы маги сталкивались с простыми смертными.

– Это он сам тебе сказал? Все забываю, как вы с лучезарным близки, – глаза наставника светились озорством. – Ты, конечно, хочешь, чтобы узурпатор... сталкивался... с одним тобой.

– Избавь нас от сальных шуток. – Наджад махнул рукой и в который раз пригубил вина. На его скулах появился багровый румянец, в тон одежд. – В любом случае, последняя история... все это не ко времени. Первому придется подождать.

За столом повисло молчание. И наставник, и Умар уткнулись в свои тарелки.

– История? Я что-то пропустил? – переспросил Аджит.

– Грязное дело, – отметил Кадар.

– Грязное, – в кои веки согласился господин камня и подлил себе еще. – Несчастный случай на охоте, с молодым вельможей. Вряд ли ты его знаешь... Убежденный ненавистник магов. Ходят слухи, что царские ищейки нашли след чар.

– Я что-то слышал. Кажется, его вдова уехала, – осторожно вставил чародей. – Но это было больше луны назад.

– Не знаю, в чем там дело, – Наджад поморщился. Он воображал себя одним из придворных, господина камня раздражало, что у узурпатора есть ищейки, умеющие чувствовать силу. Вернее – сердило то, что для них он был обычным магом, следить за которыми их приставили. – В общем, нашли следы чар то ли в теле вельможи, то ли на одежде. Весь двор взбудоражен. Говорят, кто-то нанял мага, чтобы убить Раида.

– Это глупо, – возразил Умар. – Мы не в том положении, чтобы нас было легко нанять. Старший наставник покачал головой.

– Не так уж глупо, если подумать. Есть целители. Есть Путники, а они выискивают детей с Даром по всей стране. Сотни магов работают на стройках только в столице. А в других городах? За доброе золото всегда есть, кого купить.

Смотритель Зала Камня скривился пуше прежнего. Будь убийца среди его людей, это лишило бы его царской благосклонности.

– Почему это должен быть маг из Круга? – спросил Аджит. – Путники кого-то да пропускают. Есть те, кто совладал с Даром сам. Еще были беглецы. Да мало ли магов вне закона?

– Ищейки думают так же... До проверок пока не дошло. Схватили вельможу, который заказал убийство. – Господин камня изрядно захмелел и говорил короткими обрывистыми фразами. Кадар продолжил за него:

– Пока из него ничего не вытянули. Но ты прав, если он завел ручного мага-убийцу, вряд ли он нашел бы его в столице. Скорее, привез из приграничья. Там на царские эдикты смотрят сквозь пальцы.

– Верховный считает, его это не касается, – подтвердил Умар. – Так и заявил Царю Царей, я как раз сопровождал его. Первый не намерен сворачивать дела.

Как бы убежденно он ни говорил, в голосе Умара сквозило сомнение. Наджад со стуком поставил чашу на стол.

– Твой Верховный – напыщенный индюк и доведет Круг до краха.

– Куда уж дальше, – пробормотал наставник, но смотритель не слышал его.

С усилием поднявшись из-за стола, Наджад кивнул собратям и кликнул ближайшего ученика, чтобы тот помог ему добраться до Зала Камня.

– Удивительно, как мы приписываем другим свои достоинства, – проговорил Кадар, наблюдая за удаляющейся фигурой в алом кафтане.

– Будьте снисходительны, – Аджит коснулся его локтя. – Он не простил старика за то, что того назвали Первым. В его возрасте обиды остаются навсегда. Он скорее жалок, чем опасен.

– Этот фигляр пляшет перед Царем Царей как шут. – Кадар не выглядел убежденным. – Кто знает, о чем они завтра стакнутся?

– В одном он прав: разговор и впрямь навеивает черные мысли. – Аджит отодвинул ужин, к которому едва притронулся. – Поэтому я и обхожу трапезную стороной. Редко удается повидать собратьев и не испортить настроение.

– Ты еще молод, – проворчал наставник. – С возрастом привыкаешь ко всему.

– Целителю вредно привыкать, – напомнил чародей. – Теряется восприятие чувств. Прошу меня простить...

Он взбежал по лестнице одним махом, почти как десять лет назад: спешил оказаться в своих комнатах, где можно не следить за выражением лица. Покой встретил его привычной тишиной, дарившей обманчивое спокойствие. Пробивающийся через витраж вечерний свет разбросал по полу цветные тени. В полутьме поблескивал круглый бок жаровни. Ни мирный вечер, ни привычная обстановка не дарили долгожданного покоя.

Где там сейчас Илайя? Добралась ли до границы или еще едет по Золотому тракту? Она отправилась в путь с дюжиной охранников и повозкой скарба, который не пожелала продавать. Повозка замедлит их – а ведь мальчику нужно скорее добраться до Рассветных королевств, где местные маги начнут его учить. Что если Дар проявится в пути? Что если их нагонят и вернут для дознания?

«Если» было слишком много. Даже для человека, привыкшего, что его Дар используют вопреки закону. Но все же он никогда не убивал и впервые действовал без разрешения старика. Raid временами снился ему: жестокий, уверенный в своей правоте, он поджимал губы и безмолвно смотрел на мага, словно обещая расплату в посмертии. В другие ночи он лежал, раздавленный, у подножия утеса, и равнодушные волны слизывали с камней его кровь. Иногда он кричал, умирая, снова и снова – хотя в действительности встретил свою судьбу без звука.

Свалить вину на беглеца, который улизнул в первые дни пленения, – вот, что нужно Аджиту. Но как? Почему эта история всплыла сейчас, спустя недели после происшествия? Если он оставил отпечаток, тот должен давно рассеяться или утратить всякий след личности. Его не могут опознать!

Звон уходил за звоном, а Аджит сидел за столом, не в силах привести мысли в порядок. За окном стемнело, потом звуки города и вовсе смолкли. Ночь озарялась лишь лампами у ворот богачей да фонарями в руках городской стражи.

Далеко за полночь чародей решил, что какие бы улики ни раскопали ищейки, выследить его невозможно. Теперь – невозможно. Самое страшное, что ему грозило, – это допросы в

Круге, но во время охоты Аджит отдыхал в поместье заказчика, после истощения сил. А чтобы выбраться оттуда, он не использовал магию.

Так ли это? Началось бы следствие, если зацепиться не за что? И – дыхание Бездны! – кто этот арестованный вельможа? Все это Аджиту предстояло выяснить...

Разбудили чародея привычные звуки обители: звяканье упряжи и скрип телег во дворе, куда по утрам привозили припасы, отдававшиеся меж стен голоса и смех подростков. Он не заметил, как уснул.

Но новый день сулил хотя бы парочку ответов.

Достойный Мауз иль-Нехат нашел время лишь через неделю, да и то – отказался встречаться в Районе Садов. «Недолго же длилась твоя благодарность!» – подумал Аджит, вспомнив, как советник клялся в вечной дружбе после исцеления. Но кто он, чтобы спорить со вторым человеком в Царстве? «Не могу принять вас в палате, – гласила переданная записка. – Ждите у южного входа, в пятый звон пополудни».

Осторожными расспросами и досужими беседами за эти дни Аджиту удалось многое выяснить об арестанте. Башр сар-Херёд заведовал сбором податей в районе гаваней, а в его роду, чьи корни терялись в совсем уж пыльной древности, было две дюжины магов. Должно быть, кто-то из них сейчас глазел каменными зрачками из ниш трапезной. Кто знает? Во всяком случае, ему было, за что невзлюбить Раида. И вообще, и в частности. Борьба за прибыльные районы между чиновниками Золотого двора шла нешуточная.

С царскими ищейками было куда сложнее. Никто не знал, что у них на уме. Ловят воздух, говорили маги помладше, – каждый знает, что за через луну в отпечатке чар не разобрать ничего. Чародеи постарше качали головами и помалкивали, они-то знали, что ищейки не бросают слов на ветер.

Все это заставляло Аджита нервничать. Подождать? Пройдет неделя или две – и следствие могло рассыпаться. Ищейки не всемогущи, за десять лет чародей видел их поражения. С тем же успехом ожидание могло привести и к допросам в обители, а теперь, когда Верховный взвалил на него будущее магов, Аджит не хотел рисковать. Это был замкнутый круг, и чародею только и оставалось, что переписываться с советником, обсуждать детали с Верховным и прошупывать почву.

Южный вход располагался неподалеку от базарной площади и был полной противоположностью главных ворот, вечно запертых в знак того, что маги пребывают в заключении. «Двери и стены не только охраняют Царство от вас, но и вас от Царства, по великой милости лучезарного», – говорили слуги узурпатора. Чародей больше ценил милость, что оставила открытыми, хотя и охраняемыми, прочие входы.

Сердце Атамы прозвенело пять раз, а он уже стоял на узкой улочке, одной из множества рек, впадавших в море южного базара.

Напротив обители выстроилась вереница домов: одного стиля и одних лет, с плоскими крышами, где удобно спать жаркими ночами. Несколько окон заложили совсем недавно, словно жильцы хотели отгородиться от Круга. Никого. Лишь стайка нищих расселась у квадратного камня уличного указателя.

Пятый звон... Чародей побрел вдоль домов, ожидая, не окликнет ли его кто-нибудь. В ущелье улицы отражалось эхо молотков и пил от лавок мастеровых. Аджит с упоением вдохнул запах свежего дерева и смолы и парящую над всем этим свежесть ливня и моря. Каждый раз, покидая обитель, он ярко, отчетливо осознавал, какое же это счастье – выйти в город. Даже вид опухших, иссушенных болезнью и истекающих кровью заказчиков того стоил.

Беспокойства минувших дней ненадолго отступили. Выбрав беднягу с пустой глазницей – такое, во всяком случае, не подделать, – чародей запустил в кошель руку и бросил пару медяков.

И тут же понял, как ошибся.

Спустя мгновение к нему тянулись изъязвленные, грязные и беспальные руки. В подернутых поволокой черного дурмана глазах читалась жажда. Чародей попятился, но нищие окружили его. Одни теребили его за одежду, другие тянули его за плечо...

– Пошли прочь! – выкрикнул маг, сбрасывая с локтя грязные пальцы. – Прочь, пока я вас не сжег!

Он дал крупнице силы прорваться через оболочку плоти – этого хватило, чтобы его глаза засветились, а резкое движение вызвало веер искр. Волна смердящих тел откатилась прочь.

– Проваливайте! – еще раз рывкнул маг, зажигая призрачный огонь вокруг стоп.

Попрошаек как ветром сдуло. Аджит стоял некоторое время, глядя как, хромая и подволакивая ноги, шайка убирается восвояси.

– Лишняя медь? – раздался голос за его плечом.

Маг обернулся.

Секретарь советника... Впрочем, секретарь ли? Высокий, жилистый, сейчас на нем была кожаная куртка с нашитыми стальными бляхами. С широкого кушака свисал кривой клинок. Да и лицо: жесткое, сухое, с короткой седой бородкой... в тених заходящего солнца маг подумал, что оно больше подходит вышедшему на покой воину, нежели писарю.

– Мир вашему дому! – Аджит учтиво поклонился. – Прошу прощения, в прошлый раз я не узнал вашего имени.

– Жалимár, начальник охраны господина. И похоже, мир нужен твоему дому. Псы караулят на пороге, да?

– Первый раз их здесь вижу.

– Они неграмотны. Скорей всего, не знали, что здесь еще один выход, – жестом показав, чтобы маг следовал за ним, Жалимар зашагал в сторону базара. – Места вокруг рыночной площади дороги, а нищих в нашей славной столице больше, чем мест.

– И давно так?

– Я вижу, куда ты клонишь, – воин глянул на него искоса и криво улыбнулся. – Добрый совет: не спрашивай такого, если ты не в компании друзей.

Поняв, что допустил ошибку, чародей примолк. Меж тем паутина улиц осталась позади, и они нырнули в базарную толпу.

Аджиту всегда казалось, что торговые ряды напоминают город. Здесь были улицы и здания, своя власть и собственная охрана. Кварталы здесь тоже были: ряды у кузнецов при входе; в середине, у палаты писарей – местные богачи, торговцы золотом и ювелиры; скорняки и дубильщики – с подветренной стороны и на отшибе.

Жалимар притянул к себе мага и напомнил, чтобы держался поближе. И в самом деле, в толкотне немудрено заблудиться. Изнуренные мужчины в пыльных галабах, богатые дамы в струящихся шелках, уличные лоточники, во все горло расхваливавшие товар, – здесь все оказались бок о бок. Была и сомнительная публика, что слонялась вдоль прилавков, но присматривалась к людям, а не товарам.

Кажется, они петляли по базару дольше, чем в прошлый раз пересекали Район Садов. В рядах ювелиров стало спокойнее, и тогда-то Аджит разглядел носилки. Судя по размерам, вышивке и дюжине солдат, паланкин мог принадлежать только Маузу.

Чародей собрался было выступить из толпы, когда начальник охраны придержал его за рукав.

– Ты спас советнику жизнь, – склонившись к магу, произнес Жалимар. – Он помнит и благодарен. Но не думай, что господин всемогущ. Не забудь это, когда станешь излагать свою просьбу.

– С чего ты взял, что я буду просить?

– Это ты спрашивал о встрече, – пожал плечами воин. – Это так, дружеский совет: как не потерять расположение советника. Ну давай, иди...

И он подтолкнул чародея в спину. Дюжина слуг уже опустила свою ношу наземь, чтобы магу было сподручнее забраться внутрь. В носилках же было полутемно, душно и пахло розовой водой, и не успел Аджит усесться на подушки, как его приветствовал знакомый голос:

– А вот и наш добрый смелый чародей! Садись, садись.

Маг не видел Мауза с начала лета, при последней встрече тот уже поправлялся, но был слаб. Сейчас он вернулся к своему привычному состоянию: толстощекий, лысеющий... ну точно добрый дядюшка. Впечатление портил лишь блеск глаз: жажда в них была под стать той, что владела давешней шайкой нищих.

– Прошу прощения, что не принял тебя в более комфортной обстановке. Эти зрители базаров, торговцы... за всеми нужен глаз да глаз. – Вельможа взмахнул пухлой, униженной перстнями кистью.

– Уверен, царская казна в надежных руках, – заверил его маг.

– Главное, чтобы они сами так думали. Знаешь, мой добрый друг... – советник слегка подался вперед, словно делясь с ним тайной, – моя работа сродни труду гафров, наших доблестных ищек. Каждый норовит обмануть. Каждый! Порой я думаю, казна – как те бумажные фонарики, что запускают в первый день весны. Сделай что не так, и она упадет в грязь, где ее растащат по клочкам.

– И так же пуста внутри? – с невинным видом поинтересовался Аджит.

В отличие от начальника охраны советник расхохотался. Белые зубы блеснули в полутьме.

– Люблю острый язык, – отсмеявшись, произнес он. – В нашем жестоком мире это единственное, что еще приносит радость. Видят боги, при дворе такое не часто встретишь.

Он постучал костяшками пальцев по каркасу носилок, давая знак двигаться. Когда они углубились в базарные ряды и гул голосов окружил их, вельможа покрутил перстень и сказал:

– Рассказывай. Зачем пришел?

– За... за советом, наверное. Да, именно за советом!

Ступай осторожно, сказал себе чародей. Оставалось гадать, не переступил ли он черту: с Жалимаром и второй раз, уже с советником. Но ему было необходимо прощупать их, растормошить, понять.

Толстяк терпеливо ждал, пока маг соберется с мыслями.

– Видите ли, господин, я еще молод. Наставник вечно пеняет мне за горячность... В молодости в голове вечно бродят мысли: как улучшить все вокруг, как продолжить замыслы тех, кто умнее и выше нас. Царь Царей в великой милости оградил чародеев от гнева толпы, а свой народ от магии...

– В Круге в самом деле так думают? – усмехнулся Мауз.

– В Круге помнят войну и смуту, – с жаром отвечал Аджит. – Конечно, кому понравится сидеть в тюрьме? Но мы помним все пять обителей, которые сожгла толпа. Все наперечет. И как это произошло.

– Понял, понял. – Вельможа поднял руку. – Веришь ли, моего предшественника растерзала толпа. Прямо у ворот Района Садов. Кстати, тоже был колдуном.

– Мы... мы не видим другого выхода. Но я не об этом. Конечно, лучезарный желал не просто запереть обладателей Дара, но и поставить их трудиться на благо Царства.

Он говорил долго, рынок остался позади, и вдали показались богатые районы. Когда он закончил, советник некоторое время молчал, то потирая подбородок, а то разглаживая кафтан, на котором вышитый тигр боролся с вышитым же драконом. Наконец он поднял голову.

– И что думает твой господин?

– Первый-в-Круге из старшего поколения, – чародей замялся. – Кое-кто сказал бы, поколения бессильных стариков. Но я не сужу строго, они пережили войну. Верховный выслушал меня, но за две луны не пошевелил и пальцем. Поэтому-то я говорю с вами. В конце концов мой замысел сулит золото.

– Ты смелый человек, Аджит. – Советник покровительственно похлопал его по колену. – И дальнзоркий. Тебе нужна помощь?

– Пока нет. Возможно, в скором времени. Мне... мне нужен совет. Не более.

– На то и советник, – хохотнул вельможа. – Мне нравятся такие люди, как ты, Аджит. Жаль, мы не были знакомы, когда ты носил ученический медальон.

О таких случаях принято говорить, мол, снизошло озарение. Аджит вспомнил первый день в Круге, когда на его шее застегнули медальон ученика. Символ отличия, наивно думал он. Величественный старец, предшественник Кадара, говорил долго и с упоением – признаться, мальчик не запомнил и десятой доли сказанного. Затем он увидел учителя – мага, который до выхода в отставку служил в войсках восточного предела. У него был квадратный подбородок и равнодушные глубоко посаженные глаза. Поначалу Аджит трясся под их взглядом, поэтому из первого урока – о силе, о ее пробуждении и о том, каково быть магом, – он тоже немного уяснил. Но твердо запомнил: медальон нужен, чтобы впитывать самопроизвольные выбросы, пока начинающий чародей не научится сдерживать Дар.

Многие века именно так медальон и использовался, пока не стал символом взросления. Он обуздывал разрушительную силу, что высвобождалась в неумелых опытах. Он обещал, что ученик не окажется сильнее учителя. Медальоны были ограничением, что полноправные маги накладывали на неофитов, пока те не докажут, что стали ровней.

Так было, пока Черный Азас не вошел в столицу с войском, под крики радостной толпы. В тот же день его отряды окружили обитель и потребовали, чтобы маги избрали Верховного взамен старого, который сам носил золотую маску. К утру Первый-в-Круге должен был явиться к узурпатору, и тот обещал оставшимся помилование. Поговаривали, Газвана выбрали с расчетом, что обитель придется оборонять.

О чем они там толковали, Верховный и глава восстания, да еще целый день? Вернувшись в Круг, наставник Аджита час перечислял безрадостные известия: заключение, запрещенные чары и многое другое. В конце списка значились и медальоны: отныне каждый новоиспеченный маг должен был сдавать свой медальон Царю Царей, чтобы у ищеек сохранился отпечаток силы. Все полноправные чародеи должны целый год носить символ ученичества. Испытания Аджита еще маячили на горизонте, так что сам он избежал позора – Газван же при всех расшнуровал ковву и показал металлическое оплечье, закрывшее верхнюю часть груди.

За десять лет Азас собрал войско из не владеющих силой, но чувствующих магию людей. Гафиры, звали их царские грамоты. В Круге их окрестили псами узурпатора, потому что среди них были гончие, что выслеживали добычу, сторожевые псы, что охраняли обители, и волкодавы, способные чуют магию и бороться с ней. Отличные воины, впрочем, зачастую с темным прошлым.

Медальоны магов хранились у них. Здесь. В столице. Полный склад ошейников для каждого чародея в Царстве. Их свозили сюда со всей страны, и чтобы опознать преступника, ищейкам было довольно лишь сравнить отпечатки силы.

Что ж, они – единственное, что указывало на Аджита. По сути, единственное, державшее его в Круге. Даже удивительно, что за годы никто не попробовал их украсть. Или пробовал?...

– Ты можешь на меня рассчитывать, – между тем сообщил советник. – Не во всем и не везде. Но ты действительно любопытен. Это стоит того, чтобы тебе помочь. Я подумаю на досуге о твоих замыслах.

– Я... благодарен вам, – выдавил чародей. – С нетерпением буду ждать известия.

– О, ты дождешься совсем скоро, – вельможа елейно улыбнулся. – Ты хочешь помочь и Кругу, и Царству, я же думаю о казне. – Он выглянул наружу через щель в занавесах. – Подождем толпу погуше, тогда вылезешь. Жалимар проводит тебя к обители.

Аджит с облегчением вздохнул, окунувшись в прохладную синеву осеннего вечера после пахнувших благовониями носилок. Жалимар вышагивал рядом бесшумно и необычно молчаливо – как сторожевой пес. Маг позволил себе не сдерживать улыбку. Да, нужно тщательно подготовиться и все взвесить, но... настанет день, и его служение Кругу подойдет к концу, и тогда он вздохнет спокойнее. Тогда ни один пес, в чьих бы то ни было цветах, уже не потревожит его покой.

Действовать чародей решил ночью. Сезон дождей вступил в свои права, ливни проходили сквозь столицу, как колонны неприятельского войска, разогнав гуляк по домам. Временами тучи отступали, и солнце сулило, что непогода вот-вот закончится. Но ясные дни выглядели не убедительнее жреца-бессребреника, да и длились совсем недолго.

Вечер чародей провел в гостинной обители, раз за разом опорожня чашу густого гранатового вина. Он подобрал болтливую компанию, и когда его, невнятно бормочущего и дышащего перегаром, волокли наверх, Аджит не сомневался: вся обитель узнает, что слуга Верховного напился вдрызг.

Из вредности или озорства чародей отдал сапог ближайшему провожатому, запутался в собственных ногах и повалил весь конвой на пол. Больше, однако, он издеваться не решился: его должны доставить в покои и уложить спать. Не лучшее прикрытие, но более сложное требовало лишних сил.

Едва за молодыми магами закрылась дверь, Аджит резко сел в постели. Он и впрямь выпил много – для правдоподобия, – но ничего такого, с чем не мог справиться.

Когда последние голоса стихли, его голова была яснее, чем вечером, после долгого и тревожного дня. На всякий случай он скатал валиком две коввы, изобразив на кровати спящего мага, и подошел к окну.

Аджит залез на стол и переступил в оконную нишу. С утра во дворе стояло полдюжины телег, уже разгруженных и готовых, чтобы завтра их забрали. Во тьме они напоминали демонов из царства теней: тут проглянет оглобля, как тощая шея, там выблеснет облупившаяся краска, точно чешуйчатый бок... Сделав шаг в пустоту, чародей плавно опустился наземь, уверенно ступив на обе ноги.

Теперь предстояло перелезть через стену, но и это не так уж тяжело. Плющ не подрезали с первых дней заточения, стена скрылась под сетью костистых ветвей. Чародей взялся за них, готовый карабкаться вверх, когда услышал приглушенный смех.

Проклятье! Конечно же, ученики. Нежный шепоток, возня, опять смех... Приглушенные голоса, мужской и женский, раздавались от ближайшей телеги. Вернее, девичий и мальчишеский.

Аджит помрачнел, вспомнив жалящий взгляд Джамилы. Шагнул на голос. Маг мог начать восстание против узурпатора – они и тогда бы не заметили. Устроившись на дне крытой повозки, обложившись подушками и одеялами, они предавались своему занятию с упоением, словно от него зависела победа в последнем бою дня и ночи.

И все же сейчас не время рисковать. Заключить их в непроницаемый кокон? Долго, сложно... кропотливо. Усыпить! Самое мягкое, что он мог себе позволить.

Больше злясь, чем смущаясь шороха, скрипа досок и менее пристойных звуков, он присел подле телеги и закрыл глаза... Сознания парочки были обнажены, как младенец в первый миг существования. Лишь немного подправить вот здесь... и здесь.

– Акф, – услышал он женский голосок, – ты... ты засыпаешь?

Через пару вдохов спали уже они оба. Путь наружу был свободен.

Ночь выдалась прохладной и ясной. Сточные канавы, еще полные до краев, с плеском несли мутные дождевые воды в море. Маг оглянулся на мрачные стены обители, заслонившие полнеба. Даже удивительно, как просто ускользнуть отсюда. Сбежать в город мог любой. Только годы заточения, страх наказания и нежелание связываться с гафирами держали их взаперти.

«Мы сами заперли себя в клетке», – подумал Аджит, но тут же поправился. Не сами. Старшие маги карали беглецов так же жестоко, как псы узурпатора. Конечно, если побег совершался не по их наущению.

Улицы были почти пусты, а чародей держался теней, так что путь по городу обошелся без происшествий.

Склад разместили в одном из особняков Старого города, ранее он принадлежал знатному чародею. После азасова пленения в богатых районах освободилось немало зданий, маг не удивился бы, узнав, что гафиры неплохо поживились.

Несомненно, здесь была охрана. Но вовсе не обязательно использовать магию, чтобы скрыться от любопытных глаз.

Аджит съехался под сенью мокрых кипарисов и начал втирать черную краску в лицо и ладони. Следом пришел черед войлочных носков, надетых поверх сапог. Из своего укрытия чародей изучил парадный вход и насчитал троих ищек на улице. Наверняка в передних комнатах были другие, готовые явиться на шум. Нет, этот путь не для него.

Но Старый город хитрее, чем кажется ремесленникам и купцам, что лишь захаживают в кварталы знати. За узкими улочками и резными фронтонами, за фасадами со статуями царей крылся лабиринт тупиков и внутренних дворики. В иные и не протиснешься меж плотно сомкнутыми зданиями. Зато внутри любопытных ждали сады, фонтаны и беседки – все, что спасает в жаркие летние дни.

Дождавшись, пока охрана завяжет вялую беседу, Аджит пересек улицу и нырнул в проулок, такой узкий, что ему пришлось идти боком. С той стороны его встретил кухонный двор – вернее, то, что им некогда было.

Что теперь: входить или нет? Никакой охраны не хватит на все помещения, часть комнат должны стоять пустыми. Сомнения мага разрешил вид кухонной двери: засов так разошелся, что было ясно – об этой части дома все забыли. Тихонько приподняв его и приотворив дверь, чародей скользнул внутрь. Застыл, прислушиваясь и принимаясь.

Внутри царил крошечный мрак. Когда-то здесь пахло, как в его кухонном детстве: сладкими булками, пряностями, раскаленным металлом... Печи не разжигали много лет, но запах остался, вьелся в стены, наполнив дом призраками прошлого.

Не нужно быть пророком, чтобы догадаться: хранилище где-то наверху, в старых покоях и кабинетах. Так делают всегда. Как и маги, гафиры не изобретательней простых смертных. Кухня выходила в темный и затхлый коридор, очевидно, в служебном крыле вдали маячил робкий свет. Как он и предполагал, передняя часть дома охранялась.

Но ведь у челяди должен быть свой ход наверх! Если бы благородным захотелось поздно поужинать... или хозяин любил, чтобы хорошенькая горничная взбивала ему подушки на ночь... Не могли же слуги с бельем, одеждой и подносами шествовать через главный зал.

Касаясь рукой стены и осторожно ощупывая пол прежде, чем ступить, Аджит пошел в противоположную от света сторону.

Покои отыскивались скоро. Узкие окна пропускали сияние городских огней, еще один источник света $\frac{3}{4}$ желтая полоска под дверьми в переднюю часть дома. И все же чародей не сомневался: простые охранники сюда не забредают. В середине комнаты на тяжелом столе покоилась книга размером с блок облицовочного мрамора. В снопах лунного света вокруг нее кружилась пыль.

Кодекс. Здесь хранились записи о медальонах со всех концов страны: упорядоченные по буквам, годам и с указанием, где их искать. Сами медальоны тоже были поблизости, маг ощущал чары кожей – такие густые, что привычное покалывание превратилось в зуд. Щелкнув пальцами и создав бледный, цвета лунного сияния огонек, Аджит осторожно перевернул обложку.

Иероглиф «Анан», год... справа от записей тянулась цепь пометок. Составители знали толк в библиотечном деле и предлагали искать по году, имени и городу. Оттого, какое богатство лежало перед ним, кружилась голова. Боги! Скольким собратьям он может развязать руки...

Помечтал и хватит, оборвал себя Аджит. Иероглиф «Анаин», десять лет назад, столлица. Аджит, родового имени нет. «Конечно нет, Аджит Рахад умер мальчишкой!» Дальше шла неразборчивая вязь указателей на комнаты, стеллажи и полки. Запись невозможно было понять, не уяснив структуру хранилища. Поменяться с давним беглецом можно позже, сперва $\frac{3}{4}$ разобраться, что здесь и как.

Гадать, как пройти к хранилищу, не было нужды: он словно шел на грохот кузнечного молота. Чародей распахнул двери, увидел ряды шкафов, шагнул к ним $\frac{3}{4}$ и застыл.

Пошевелиться он не мог. По правде сказать, он не мог ничего: лишь дышать, слушать и шевелить зрачками. Чужая сила оторвала его от пола и подняла в воздух, как щенка. Так же беспомощен был и его Дар.

Колдовская ловушка? И где – у гафиров? Может ли такое быть?

– Не дергайся, – голос был знакомым, но приглушенным, словно исходил из-под слоя ткани. – Это колдовство тебе не по зубам.

– Его можно как-нибудь... подвинуть? Он загородил собой вход!

Второй голос маг узнал.

– Как скажете.

Даже сквозь пелену силы он ощутил бесцеремонный толчок меж лопаток. Чародей думал, что упадет, но чары подхватили его и вновь распыли в воздухе. Мимо него в хранилище проплыл советник. Просторный кафтан скрывал его полноту, с чалмы свисали нити жемчуга, прозрачно мерцавшие в колдовском свете.

– И принесите кресла, – махнул рукой вельможа.

Поначалу Аджит не узнал его спутника – по спине в черном много не прочтешь, – но стоило тому сесть рядом... Маска, которую носили гафиры, оставляла прорезь для глаз: льдистые, насмешливые, они смотрели сквозь мага, будто уже видели его казнь.

– Поговорим? – Мауз доброжелательно улыбнулся.

Язык и губы его слушались, но Аджит молчал. Вельможа покряхтел, потер подбородок, покрутил перстень, как будто в замешательстве.

– Ну... хотя бы представимся, – с той же улыбкой заключил он. – Жалимар, гафир-ха-гафир, страж над стражами. Ваш покорный слуга, советник Ночного двора.

– Узурпатор упразднил Ночной двор, – разлепил губы маг.

– Ты ошибаешься, молодой человек. – Советник подался вперед, дружелюбный и убедительный, точно барышник, сбывающий полудохлую клячу. – Каждый правитель должен знать, что говорят в харчевнях и родовых усадьбах. Кто-то должен подчищать грязь. Азас не исключение. Он только решил, что от Ночного двора мало проку, если все знают, кто им руководит.

– Заправлять казначейством и тайной стражей... как мило, – выплюнул маг.

– Я говорил тебе, что моя работа сродни труду следователей. Не лги, будто я не предупреждал.

Вельможа погрозил ему пухлым пальцем. Жалимар сидел молча, сверля чародея взглядом. Впрочем... его молчание не сулило ничего хорошего, но показная шутливость советника пугала больше.

В хранилище вновь воцарилась тишина. Были слышны приглушенные дверьми голоса охранников да еще тяжелое дыхание толстяка. Наверное, они чего-то ждут? Раскрывать рот не было желания. Да и какой смысл?

– Мы теряем время, – наконец подал голос гафир. – Выкладывайте, что хотели, и покончим с этим.

Мауз и впрямь посерьезнел. Шутливая улыбка сползла с его лица, как маска.

– Наверное, ты хочешь знать, как мы здесь оказались? – Он умолк, но так и не дождался ответа. – Или, может, где ты промахнулся?

Вельможа встал и подошел вплотную, на таком расстоянии сквозь одуряющий аромат розовой воды пробивался запах полного тела.

– Хочешь знать, как я отношусь к вам, магам? – внезапно спросил он.

Аджит хмыкнул:

– По-моему, ясное дело.

– Да ну?

Советник криво улыбнулся. Оставив чародея в покое, он вернулся к креслу, но не стал садиться. Обошел сиденье и встал позади, положив руки на спинку – как проповедник на кафедре.

– Если угодно, я всем сердцем поддерживал восстание. Но все, что было после... Жрецы... – он замялся, словно подыскивал слова, – нарушили мировую гармонию, если хочешь. Все эти проповедники толкуют: мол, искажают мир, калечат замыслы богов. Я же скажу, что маги были всегда, сколько помнят хроники. И просто так их за двери Царства не вытолкать.

Чародей бросил быстрый взгляд на гафира. Пес узурпатора, чей смысл существования заключался в охоте на магов, смотрел все с той же насмешкой.

– Зачем... зачем вы это рассказываете?

– Чтобы сбить с тебя маску мученика, глупец, – ответил за вельможу Жалимар. В его тоне, однако, слышалось раздражение, а не злость или ненависть. Советник с обманчивой мягкостью поправил его:

– Чтобы заставить тебя слушать.

Он примолк, словно давая взвесить свои слова, и продолжил:

– Понять, что на тебе кровь Раида, нетрудно. Нет, отдаю должное, убийство совершено на славу. Никто бы не догадался, если бы я с самого начала не знал о вашей с сестрой тайне. И никому не было дела, если бы не мой особый интерес. Я знал, но Жалимару нужно подтверждение... Что ж, дюжина попрошаек вынудила тебя обороняться, и твоя сила та же, что осталась на месте смерти Раида.

– Но зачем тянуть так долго?

– Башир, наш пленник, был не готов, – советник улыбнулся.

Аджит переводил взгляд с одного на другого, пытаясь понять, что они имеют в виду.

– Боги, думаешь, твои грешки кому-то интересны? – проговорил Жалимар. – Думаешь, гафиры, Ночной двор или Царь Царей спят и видят, как рассориться с Кругом?

– Наш друг имеет в виду, что мы решили не трогать дело, – заключил советник. – Пока не представилась возможность его использовать. Остальное ты знаешь: стоило упомянуть ученические медальоны и снять почти всю охрану, и вот ты здесь, в тенетах собственного наставника. Смешно, правда? Не пришлось даже беспокоить твоего Верховного. Он поставил ловушку, когда архив только создавали.

Мауз умолк, довольный собой.

– Зачем? Если вы решили не трогать...

– Ты невнимательно слушаешь, – еле слышно улыбнулся вельможа. – «Использовать», вот главное слово. Башир сар-Херид, дело в нем.

– Башир потомок древнего рода, в котором было три Верховных, – страстно заговорил целитель. – Он умудрился выжить в чистках и получил свой пост – только потому, что сам он простой смертный. Для магов он станет мучеником!

– За десять лет он палец о палец не ударил ради вас, – раздраженно ответил советник и повторил: – Ты молод и горяч, чародей. И опять не слушаешь. Никто не хочет лишней ссоры с магами. Это все равно что... задирать змея, чьи головы спят по всей стране. Разбуди одну – и проснутся остальные. Нет, – протянул он, – ваш Башир слишком любит золото, чтобы рисковать ради тех, к кому не принадлежит.

– Но вы боитесь, что маги поднимут его на щит. – Аджит покачал бы головой, если б мог.

– Послушай, ты... – Жалимар встал, но, очевидно, не нашел подходящего слова. Настал его черед подступить к чародею лицом к лицу. Маг видел, как под тканью маски играют желваки.

– Ты... слизняк, – спокойнее произнес гафир. – Ты смердишь ненавистью. Дышишь ею. Изрыгаешь с каждым словом.

– Есть за что...

– О да, вы – не те звери, у которых я был рабом. При них вы были шавками, а теперь чудовища мертвы, а вы отдуваетесь за них. Но и мы – не те, кто жгли ваши крепости! Люди сменились: при дворе, в храмах, среди гафиров. Но твой мир состоит только из вас, магов: исключительных, неповторимых, которые держали нас, как скотов... и нас, простых смертных. Вы так нас называете? Между собой?

Он отошел и, отвернувшись, закончил:

– Ты... жалок.

– Ты ошибаешься, Аджит, – спокойнее заговорил советник. – Ваш символ всего лишь продажный заговорщик. Заморское золото и мальчишка, которого в Нагаде называли наследником свергнутых царей. Вот и все, что есть в этой истории. Никаких магов. Если его схватит Ночной двор, это всколыхнет всех прочих шпионов Нагады. Если его казнит Круг... по совершенно другому делу... – Мауз улыбнулся.

– Почему я должен вам верить?

– А ты не верь, если хочешь, – махнул пухлой рукой вельможа. – Только у тебя есть два пути. Первый... Ты даешь показания против шпиона. И мы казним вместо тебя простого каторжника, а ты получишь новое лицо. Второй... мы казним вместо простого каторжника тебя, а вместе с тобой – и твои замыслы.

– Негустой выбор.

– Какой есть. Ты можешь выбрать добрый костер в любой миг. В конце концов однажды ты уже отправился в мир иной. – Мауз потерев нити жемчуга, обрамлявшие его лицо. – Думай. Мы оставим тебе время до утра.

Махнув рукой Жалимару, он поплыл к выходу. Уже проходя мимо Аджита, советник на мгновение остановился, впился в него взглядом заплывших глаз.

– Я немного завидую тебе, Аджит, – проговорил он. – Всего чуть-чуть, но все же. Что ты ни выберешь, в своих глазах ты останешься прав. Хотел бы я сказать то же о себе.

Ты ошибаешься, хотел сказать чародей, но так и не нашел сил разлепить губы.

К суду и казни его вывели минута в минуту. Гонг в храме владыки времени как раз заговорил, возвещая полдень, когда пленника вытолкнули навстречу солнцу – и смерти. «Могли бы и припоздать с судилищем», – подумал Аджит.

День выдался ясным и звонким, как всегда бывает после сезона дождей. В Священном Круге, где обитель вершит правосудие и провожает на костер усопших, собрались две или три дюжины зевак. Некоторые скучали, иные прятали взгляд, прочие же смотрели с неприкрытой

ненавистью. Поначалу чародей оглядывался, интересуясь, кто как себя ведет. Не каждому дано увидеть свой последний час. Впрочем, он быстро потерял интерес и к этому.

Когда на мраморную трибуну поднялся первый свидетель, чародею стало тошно. Это было глупо. Это было пошло. Собрались все, кому он насолил: от одноклассника, так и не ставшего учеником Верховного, до бывшего любовника Джамилы.

«Дыхание Бездны! Тебе-то я что сделал?» – хотелось крикнуть собрату-целителю.

Под синяками и запекшейся кровью каторжника было не узнать. Чародей отмерил порцию черного дурмана: работяга выглядел так, как и должен выглядеть лишенный силы, доведенный до изнеможения маг.

Чародей уже оторвался от происходящего – когда на возвышение поднялась его любимая.

«Боги, девочка! Ты первая, кого я рад видеть!» Он подумал так – и осекся. Выступать в его защиту опасно. Должно быть, Джамила сама это поняла: чародейка шла прямо, точно несла на голове кувшин. Ковва с высоким воротом подчеркивала болезненную бледность ее смуглых скул.

«Пожалуйста, прокляни меня! – безмолвно молил Аджит. – Усир и Джахат, Великая Мать и Шакал Пустыни... если есть в мире справедливость, пусть она меня ненавидит!»

– Меня зовут Джамила, – донеслось до него. – Джамила, ученица Хёйны, ученица Чедда из линии Омёйи. Последние два года я была спутницей обвиняемого и пришла, чтобы...

Она говорила тише и тише, пока Аджит не перестал ее слышать. Чародейка сглотнула, бросила на каторжника взгляд, но тот не знал ее и был вконец одурманен. С подбородка пленника свисала ниточка слюны.

– ...пришла, чтобы свидетельствовать против убийцы.

Милосердные владыки! Ему хотелось то ли петь им славу, то ли проклинать. Но лучше всего – напиться до бесчувствия.

– Теперь я стану еще больше тебе завидовать, – советник дернул за плетеный шнурок, свисавший рядом с рабочим креслом. В соседних комнатах зазвонил колокольчик. – Не просто уйти от наказания, но обрести свободу. Настоящую. Иди, куда хочешь. Делай, что хочешь. Я не могу себе такого позволить. Я думал...

Его излияния прервала служанка с полным подносом чашечек, кувшинов и прочей утвари.

– Ах, милая, как раз вовремя, – вельможа замахал ей рукой. – Ты не представляешь, какой там холод! Как я соскучился по доброму настою!

Словно подтверждая его слова, в окно ударил порыв ветра. Стекло задребезжало. За ним, в Районе Садов, деревья гнулись и клонились к земле, точно отвешивая поклоны.

– Ты обязательно должен попробовать! – не терпящим возражений тоном сказал Мауз. – Это последняя мода, пришла из Гллу Тхан. В следующем году вся столица будет пить горячие травяные настои, но ты уже скроешься в Рассветных королевствах, вместе с сестрой и племянником.

– Не знаю, дороги сейчас плохие, – неуверенно протянул Аджит.

– О, только не Золотой тракт! – отмахнулся советник. – Мне, знаешь ли, приходится за ним следить. Иначе торговля замирала бы в сезон дождей и сезон бурь.

Мауз орудовал заварочными приспособлениями ловко и так быстро, что умелый вор бы позавидовал. Впрочем, многим ли они отличаются, вор и вельможа? Взяв два шарика из тонкой серебряной проволоки, он наполнил их травами из расписных шкатулок, погрузил сферы в чаши с кипятком и накрыл крышками.

– Вот так. Теперь подождем десятую часть звона...

– Я... я не знаю, стоит ли ехать, – признался Аджит. – Уже неделю ломаю голову, но так и не решил.

– Брось! Что тебя держит, теперь-то?

– Не знаю, – честно признался маг. Голос Джамилы еще звучал в ушах, отдавался от стен, звенел над белым мрамором скамей. – Я правда не знаю. Когда сестра уезжала, я отговаривал ее... Говорил, мальчик забудет свой язык. Ей было все равно.

– Если твоя страна не придумала лучшего, чем запереть тебя... – Вельможа пожал плечами.

– Она так и сказала. Но я не уверен. Ваш друг гафир прав: во всем, что касается магов, слишком много ненависти. С обеих сторон. Я мог бы это изменить. Хотя бы попробовать.

– Ну-ну, – Мауз прищурил крохотные глазки. – Жалимар славный служака, но не стоит воспринимать его всерьез. Он действительно был рабом. Это... влияет на его суждения.

– А я пережил резню в обителях и заключение, и это влияет на мои суждения. Но мы и правда называем людей смертными.

Вельможа покрутил перстень, как делал всегда, отмеряя и взвешивая слова.

– Смотри, – наконец произнес он, – я говорил с Верховным. Кажется, он так рад, что согласился бы на любую сделку. Ты можешь остаться, но учти, что в Рассветных королевствах ты принесешь больше пользы. Мне нужен свой человек в Городах Грани, а твой Верховный хочет связаться с тамошними магами, через тебя. Здесь же... не забывай, что Аджит мертв, и хватает тех, кто повторил бы казнь, если б мог.

Чародей молчал.

– Но я обещал, что ты получишь новое лицо, – закончил Мауз, – и Верховный сделает его, если пожелаешь.

– Знаю, – вздохнул маг. – Наверное, это просто страхи. Так бывает перед большими переменами.

– Вот и славно. – Советник потер руки, согревая ладони, и приподнял крышечку, высвободив аромат трав. – Готово. Попробуй. Потом уже нескоро придется.

Увы, ни болтовня вельможи, ни даже ветер с моря не могли разогнать туч, что собрались на душе у мага. Они лишь сгустились, когда Аджит стал собираться в путь.

На кровати ждал кафтан царского гонца, а в конюшнях – лошадь. Чародей не был умелым наездником, но хороший конь сам несет седока, а плохие в конюшнях советника не водятся.

Аджит был вынужден признать, что обманулся в Маузе, и не один раз – дважды.

Сперва считая его лишь придворным, затем решив, что тому чужда благодарность. Даже после казни, покачиваясь в носилках, маг еще не верил. Это ничего не значило. Начальник тайной стражи получал ручного чародея, чья жизнь зависела лишь от него. Но эта поездка... пусть агентом Ночного двора, в чужой стране, пусть... толстяк его отпускал.

Это было непонятно. И необъяснимо ничем, кроме благодарности.

Маг поднял и встряхнул кафтан. Крепкая ткань, стеганая подкладка. В таком не холодно в сезон бурь, а в харчевнях отсюда и до границы для гонца найдутся еда и кров.

Чародею было особо нечего собирать: письменные принадлежности, пара книг, шкатулка с лекарственными травами. Совсем скоро он притворил дверь и спустился во двор.

Ночь встретила его порывом ветра, таким холодным, что захватывало дух. Аджит поежился, но вдохнул еще раз. И еще. Свобода не пахла ничем. Ни морем, ни привычной зеленью Района Садов, ни свежестью. Было холодно и промозгло.

По сути, свобода и была ничем. Он мог идти, куда хотел, но его не ждали нигде. Ни сестра в чужом городе – должно быть, она обустраивается на новом месте и живет только сыном. Ни в обители – разговоры о казни должны утихнуть, и маги вернулись к своей размеренной жизни. Ни в одном городе или доме Царства.

В конюшнях всхрапнула лошадь, словно напоминая о себе.

Свобода была пустой. Он не был к ней готов. Он никогда не знал ее. Он терялся в догадках, что с ней делать. Быть может, когда-нибудь его собраты будут свободны, и для них это будет в порядке вещей.

Аджит в последний раз вдохнул холодный воздух, вернулся в дом и закрыл за собой дверь.

Когда-нибудь это будет в порядке вещей. Но для этого предстоит сделать еще очень многое.

Письмо, оставленное меж страниц

Любезный друг и брат!

Этот бесподобный юноша заверил меня, что доставит письмо прямоком в твои руки и что ты служишь нашему общему другу (тому самому, в хорошем теле!). Я не уверена, каким именем мне тебя звать... Теперь ты носишь новое лицо, и признаюсь, порой я гадаю, смогла бы я тебя признать? Должно быть, не смогла. Что проку в новом лице, если тебя узнает каждый встречный? Но к делу. Мы обосновались в Галате небогато, хотя и не совсем бедно. Теперь, когда наш друг приставил меня слушать, смотреть и писать послания о событиях в городе, наше положение должно улучшиться. Я согласилась без раздумий! Наш договор не вынуждает меня делать ничего постыдного. Меж тем наш друг обещает небольшое, но регулярное жалованье, поднимет старые связи мужа и поможет основать торговлю с Царством. Он хочет, чтобы меня представили ко двору zdeшнего деспота. Нам с тобой двор Арлнда Белого показался бы до уныния провинциальным! Но даже здесь нужно положение, чтобы показаться правителю на глаза. Саху повезло, он стал учеником не простого чародея, а самого придворного мага! Меня это веселит. Галат воевал с Царством сотни лет, чудом избежал захвата при царях-чародеях – но все, совершенно все здесь подражают нашим порядкам и привычкам. Вообрази, zdeшные маги едва не дрались за Саха (ведь он сын вельможи!), пока придворный чародей Вóлдрин не взял негодника к себе. Уверена, ты уже знаешь, что твой старик хочет через мальчика поговорить с этим Волдрином. И вообще начать постоянно разговаривать с Галатом, а то и всеми Рассветными... Великая Матерь! На что я трачу пергамент! С этим письмом я посылаю плоский медный лист, это часть зеркала, вторая половина которого у Саха. Волдрин говорит, ты знаешь, что с ним делать. А Сах обещает, что скоро я увижу твое новое лицо. Ты был прав, в Галате все говорят на своем лающем языке и хочется услышать знакомый голос! (Хотя по-прежнему не верится, что это правда и вы это можете!)

Юноше, что отдаст послание, вручи двадцать серебряных кедётов, как я обещала.

Вместо подписи – маленькая фиалка необычными синими чернилами.

История вторая Город опавших листьев

*Ибо будете вы как дуб,
которого лист опал,
и как сад, в котором нет воды.
И сильный будет отрепьем,
и дело его – искрою;
и будут гореть вместе -
и никто не потушит.*

Исайя 1:30-31

1

Сакáр открылся магу на закате. Солнце наполовину спряталось за меловыми скалами, и крепость нависла над городком, как хищник, наблюдающий за возней полевых мышей. Как толстая птица на слишком узком колышке. Казалось, хватит неосторожного движения – и черная громада рухнет вниз, к шипящим у подножия скалы волнам.

– Экая груда камней! – заметил охранник каравана.

Чародей хотел ответить, но один из путников его опередил:

– Крепость всегда была такой. Князья-пираты так ее и строили.

Хозяин каравана выкрикивал приказы пронзительным высоким голосом. Душный воздух был таким плотным, что казалось – каждая команда купца оставалась в нем, повиснув неподалеку.

«Это мой дом», – подумал Ханнán, но слова получились пустыми и холодными, ничего в душе не шевельнулось в ответ.

По правде сказать, маг не знал, чего ждет от возвращения. Его наставник мертв, его друзья, должно быть, превратились в уважаемых торговцев или процветающих ремесленников. Они будут вытирать потные ладони о полы засаленных халатов и жевать губами, пока наконец не вспомнят его. «Теперь-то уже поздно поворачивать назад», – напомнил себе Ханнан и ударил пятками в бока кобылы, подгоняя ее вслед за остальными.

Там, где раньше ветер играл со степью, склоняя травы подобно морским волнам, раскинулись гранатовые плантации. На месте окраинных домов тускло поблескивала вода канала. Это было даже не возвращение – разве можно вернуться в чужой, совершенно незнакомый город?

Когда они добрались до постоянного двора, Сакар полностью погрузился во мрак. Два серебряных кедета могли купить груду подушек на помосте и низкий столик на одного, но магу не хотелось бросаться в глаза. Он и так выделялся среди матросов, ремесленников и солдат. Поискав взглядом подходящее место, чародей нашел его в углу, возле жаровни. В завесах тягучего и сладкого дыма от рассыпанных по углям семян сидел парень с лицом простолюдина.

– Мир твоему дому, – приветливо сказал он, стоило Ханнану примоститься напротив. Чародей скупно кивнул в ответ.

– И тебе того же.

На пару минут старик-разносчик избавил его от необходимости быть вежливым, но только маг взялся за завернутое в лепешку мясо, и парень вновь заговорил:

– Ты ведь приехал в караване Кривого Арьда, – он даже не спрашивал и спустя мгновение продолжил: – Я видел, как ты прощался с купцом. Ты местный?

– Нет.

– Что там творится?

«Где?» – хотел спросить Ханнан, но передумал. Он отлично знал, чем интересуется юнец. И понимал, что лишь оттянет неизбежные вопросы. К тому же он помнил молодость: казалось, Сакар построен на скалистом острове посреди океана, казалось – весь остальной мир далекий и почти ненастоящий. В черте города он словно становился миражом.

– Услуга за услугу, – усмехнулся маг, – я рассказываю о большом мире, а ты – о том, что происходит в Сакаре.

– Идет, но здесь не так уж много происходит.

– Я знаю.

Юноша лишь пожал плечами. Ханнан принял это за согласие.

– В горном храме в Хиджа́зе появился мальчик, который пророчит закат Царства, – начал свой рассказ маг. – В прошлый сезон дождей на столицу навалилась буря: в Каменный базар угодила молния и расколола статую Основателя. Когда я уезжал, Царь Царей покинул столицу и отправился на восток с большим посольством...

Если б не Верховный маг,двигающий по столичной доске фигурки, беса с два владыка выбрался бы из дворца! Но в Сакаре поминать Круг не стоит.

– Царская процессия... – протянул парень.

– Что?

– Вот бы на нее поглазеть!

– В повозку лучезарного запрягают черных быков, – сказал маг. – Он сам сидит неподвижно, как статуя, даже не взглянет по сторонам. У них при дворе так принято: потомок богов и не должен походить на остальных людей.

– А маска? Царская маска, какая она?

– Золотая, – улыбнулся чародей.

– Это я и сам знаю, – начал юноша, но тут Ханнан его перебил:

– Теперь твоя очередь.

– Но у нас правда ничего не происходит. Даже не знаю, что рассказать.

– Тогда позволь мне самому задавать вопросы.

Юноша кивнул.

Что же у него спросить? Сам по себе неплохой вопрос... Чародей бросил взгляд наружу: в ночь, заглядывавшую в харчевню через откинутую парусину на двери.

В крепости, что они видели на въезде в город, некогда правил владыка этих земель. Но теперь он называет себя Царем Царей, он сидит в столице и о родном наделе вспоминает столько же, сколько базарный меняла о богах. Ханнан помнил обитель чародеев – квадратную башню с белым куполом, но после прихода узурпатора его дом разграбили. Говорили, новый наместник приказал разобрать башню, а из камня сложить святилище Ваху́ру, святому дереву, замученному магами. Он помнил ремесленные кварталы своего детства, мастерские и лавчонки, но сегодня понял, что не узнает паутину улиц. О чем спросить этого юнца?

– Кто ваш владыка? – наконец поинтересовался маг.

Короткий смешок.

– А у нас нет владыки. Аккурат с тех пор, как прошлый стал Царем Царей. Да продлятся его годы и прирастет царство. До ближайшего наместника тащиться пару дней, а мы тут сами...

– Нет? – Ханнан надеялся, что изобразил удивление убедительно. – А что же крепость, пустует? И кто тогда исполняет Правосудие?

– Правосудие... – Паренек замялся. – А что, это так важно?

– Лучезарный рассылал посланцев по всему Царству, – поднял брови маг. – Каждый владыка головой отвечает за колдунов своих земель, каждый колдун подчиняется эдикту. Как ты думаешь, важно это или нет?

– Все так, но у нас их нет, колдунов-то.

– Нет? – повторил Ханнан. На сей раз удивление далось ему труднее.

– Они были... – протянул парень. – Это целая история. Только здесь особо нечем хвастать.

Маг молчал, выжидательно поглядывая на собеседника. Юноша пробежал пятерней по волосам, на простоватом лице мелькнула неуверенность.

– Это было лет пятнадцать назад... – нехотя заговорил он. – Даже больше. Лучезарный как раз надел золотую маску, а о Правосудии еще не слышали... Ну и тут кое-кто решил исполнить правосудие сам.

Он опустил глаза, парню было неловко рассказывать чужаку. Ханнан же вспоминал кровь и крики.

– Я сам не видел, мне рассказывал отец. Говорит, тут был один меняла, – продолжал тем временем юноша. – Колдун. Многим не давал житья. Все знали, что повелитель не жалует колдунов. Как-то вечером собралась толпа... Менялу-то выволокли из лавки, но дальше пошло само... Одни начали громить лавки лекарей, другие вытащили из постели шлюхи базарного гадальщика. Дело докатилось до обители, а ты знаешь, господин, они умеют за себя постоять. Полегло много народу. Но колдунов в городе не осталось.

Парень и сам не заметил, как перешел на уважительное «господин», словно извиняясь за ту историю.

– Ну-ну, надеюсь, меня не прирежут за подозрение в колдовстве. – Чародей хохотнул, но получилось натянуто. Оставалось надеяться, что парень ничего не понял.

Теперь юноша явно смутился и жалел, что вообще заговорил о резне.

– Сакар вовсе не...

– Я знаю. Знаю. – Ханнан похлопал его по руке. – Колдуны тоже не без греха. Иначе зачем бы издали эдикт о Правосудии? Или ты их жалеешь?

– Не, что ты! – вскинулся парень. – Они получили, что заслужили.

На миг Ханнану показалось, что он зря вернулся в этот забытый богами и царями город. Гул голосов и гудение мух обратились ревом толпы. Тени тех, кто не пережил ту ночь, встали за его спиной: они знали, чем кончится его поездка, они шептали предупреждения и сулили крах и гибель...

– Да, действительно, – произнес маг в ответ. – То, что заслужили.

Пока пальцы хозяина харчевни мелькали, отсчитывая медяки, чародей все присматривался к нему. Не блеснет ли в подслеповатых глазах искра узнавания? Не задержится ли взгляд дольше необходимого? Прежде старик Шамáх всегда находил для Ханнана доброе слово. Но тогда Ханнан был юн и носил шелк и гладкий, струящийся в пальцах атлас, а сейчас перед трактирщиком стоял невысокий сутулый человек в потрепанной одежде.

Не узнал. Чародей не сказал бы даже, рад он или нет... Когда он встречал знакомое лицо, Ханнан чувствовал себя призраком. Но, с другой стороны, кто знает, где был старый Шамах в ночь резни? За вечер маг обошел с расспросами полдюжины трактиров и выбрал мало-мальски добротный, но и сюда набилось порядком вооруженных людей. На вкус чародея – даже слишком много.

Ему отвели комнатку, в которой было тесно, как под лестничной клетью, но на удивление чисто. Дымок душистых трав курился под потолком, отгоняя насекомых. Ханнан долго ворочался и не заметил, когда зной южной ночи обратился ревом пожаров, а поскрипывание старого топчана стало треском бушующего пламени.

Но слышал их почему-то только он. Ханнан снова был там, в пустых и гулких помещениях обители, и шум толпы казался далеким рокотом, похожим на гул прибоя. Никто не обращал на него внимания. Он пытался дозваться до наставника – но взгляд старика блуждал, невидяще скользя по Ханнану. Он хотел схватить наставника за плечи, развернуть к себе, но пальцы чародея – туманная дымка – скользили по ткани, не в силах прикоснуться к живому существу.

Когда толпа была уже под стенами, он бежал. Всю свою жизнь он тысячи раз бежал от нее во снах, но ни разу не оторвался от погони. Они всегда преследовали его и всегда догоняли – и каждый раз он просыпался за миг до удара, готового раскроить ему череп.

Так бывало всегда, но сердце все равно наполнил ужас. Руки, прижимавшие к груди сумку, обессилели и дрожали. Он задыхался, горячий соленый пот щипал глаза. Ханнан не знал, кто там, за спиной, кто преследует его – ему не хватало смелости обернуться.

Кто-то бросил камень. Из-за спины доносились крики, но юноша не вслушивался в слова. Еще один камень ударил его промеж лопаток, заставив пошатнуться и едва не сбив с ног.

И вот это случилось. Ханнан запнулся и упал тяжело, почти перекувырнувшись, грязные руки схватили его за одежду, рванули вверх. Ветер принес клочья дыма, так что маг не видел лиц преследователей. Он закашлялся. Что-то горячее и медное на вкус струйкой текло из ноздрей и попадало в рот.

Ханнан бы закричал, но не мог. Не мог даже отползти назад, от занесенной над головой дубины. Но руки... руки его двигались сами собой. Тонкие худые ладони – почему-то взрослого человека, а не юноши – выбросились вперед. С пальцев сорвалось красное, как кровь, пламя, прянуло в лицо преследователю.

Искаженный лик растаял.

Бешено стучало сердце, и дыхание срывалось с губ тяжелым свистом. Темно и тихо. Разгоряченной кожи коснулось едва заметное дуновение. Это сон. Всего лишь сон...

Несколько мгновений маг сидел на постели, ничего не понимая, пока еще одно дуновение не принесло запах дыма. Ему даже показалось, что Сакар снова в огне, но вскоре Ханнан понял, что это топчан. Нижний край тюфяка тихонько тлел, мигая в темноте красными искрами.

Тело повиновалось не сразу, нехотя – словно он пробежал половину схена. Чародей сбросил тюфяк на пол и начал затаптывать тлеющую солому. Далеко не сразу, когда последние красные точки потухли, он сообразил, что делал это босиком.

Еще позже, когда Ханнан опустился на пол у окна, он вспомнил, что в Сакаре не стоит разбрасываться магией. Кто знает, правду ли ему сказали? Быть может, здесь есть ищейки, и они уже ощутили всплеск силы. Быть может, кто-то всматривается в ночную мглу, определяя, в какой части города применили чары.

– Проклятье!

Ханнан вздохнул и выругался – теперь уже куда грязнее.

Рассвет застал его в молчаливом бдении у окна. Сперва проглянули розоватые очертания облаков, затем над выгоревшей степью лениво выкатилось солнце... Город пробуждался.

Ханнан покинул постоялый двор рано, сразу окунувшись в лабиринт еще сонных улиц. Он не знал, куда идти и зачем. Он должен стать глазами и ушами Круга в этом некогда потерянном для магов городе, но чародей еще только размышлял, как подступиться к делу. Когда он бежал из Сакара, у Ханнана остались друзья, но с тех пор прошли годы. И потом, безопасно ли довериться одному из них?

Маг прошел по главной улице, по которой, наполовину скрывшись в облаках пыли, шествовали груженные тюками волы. Вслед за ними, гортанно гикая и ругаясь, шли худые загорелые погонщики. Он блуждал кривыми улочками трущоб, но никто не обращал на него внимания, только нищие провожали чародея тусклыми взглядами.

Минуя базар, Ханнан на всякий случай сделал круг около нового святилища Вахура – он слышал, каждый путник должен обойти его хотя бы раз, чтобы огородить себя от колдовского зла. По периметру стояли одиннадцать белых колонн – по числу пыток, которым подвергли мученика колдуны. На вершине купола день и ночь горел в огромной медной чаше огонь.

К полудню решение было принято. После недолгих расспросов маг отыскал приземистое здание, спрятавшееся от уличного шума за высоким забором. К удивлению Ханнана, вместо хозяина или слуги навстречу вышел детина с мощными, как кирпичи, кулаками. Чародей назвал имя, но и этого оказалось мало. Он все ждал и ждал перед воротами, нервничая под тяжелым взглядом охранника.

– Господин Ханнан?

Маг обернулся. От маленькой калитки спешил, приволакивая ногу, худой старец. Чародей нахмурился. Он ожидал, что его друзья изменились – но нет, не настолько же!

– Мне нужен Такани, – сказал маг, когда старик подошел ближе. Вместо ответа тот низко поклонился, как простолюдин вельможе.

– Я знаю, господин. Прошу прощения, что заставил ждать. Господин Такани с радостью вас примет.

Старик распахнул перед Ханнаном калитку, пропуская мага вперед. Уже когда их нельзя было увидеть с улицы, он коснулся рукой лба и повторил приветствие – на сей раз иное:

– Боги воплотились в вас!

Чародей думал, уже никто не назовет его так. И еще – что-то в голосе старика показалось знакомым. Он присмотрелся внимательней, нахмурился...

– Захт!

– Он самый.

– Проклятье, как я не признал!

– А вы совсем не изменились...

– Я же знаю тебя с тех пор...

– Да-да, с тех самых...

– Как ты? Как Такани?

Они говорили наперебой, не слушая друг друга, – каждому хотелось выговорить свое. Наконец оба умолкли, и Ханнан негромко рассмеялся.

– Ты первый, кто меня узнал в этой паршивой дыре.

– Мне ли вас не знать? – Старик лукаво улыбнулся. – Я помню, как вы босиком бегали по этим улицам.

– Такани... – начал маг, но слуга перебил его:

– Еще не знает. Но уверен, будет рад вас видеть!

Захит провел Ханнана через заросший сад, где пыльные кипарисы смотрели в небо, и лишь пара ореховых деревьев рукоплескала кронами, приветствуя чародея. Они нашли Такани на веранде, старый приятель мага лежал на оббитой бархатом софе и диктовал послание маленькому неприметному человеку, такому же серому, как бумага у него на коленях.

– Кого ты привел, Захи? – ворчливо спросил купец.

– Ваш... старый знакомый, господин.

Чародей выступил вперед.

– Ханнан, – просто представился он. – Пожалуй, слишком старый, но надеюсь, еще знакомый.

– Ханнан? О боги! – Такани оказался на ногах с удивительным для его телосложения проворством. Заключив чародея в тяжелые объятия, он рассмеялся магу в лицо. – Такой же хмурый и недовольный... проклятье, больше десяти лет прошло, а ты все тот же!

Писарь испарился, и купец потащил Ханнана к столику с фруктами. Он не успокоился, пока под чародеем не оказалась груда подушек.

– Будь добр, Захи, принеси нам чего-нибудь.

Старик поклонился, и торговец вернулся на софу, сплел пальцы на объемистом животе.

– Рассказывай! – без обиняков приказал он.

В прежние годы Такани был юрким пареньком с лукавым взглядом черных глаз. Каждый лавочник в округе имел зуб на «маленького беса», но тот бес сгинул в дебрях лет, вместе со своими выходками. Остался тучный человек, страдающий одышкой.

«Ты сам не помолодел!» – одернул себя Ханнан. Маг так и остался худым и невысоким – видно, от недоедания в детстве, но для четвертого десятка в бороде его было слишком много седины. Пожалуй, больше соли, чем перца.

– Что рассказывать? – Ханнан невольно усмехнулся. – Если коротко, то без толку, а если долго... ты утомишься раньше, чем я войду во вкус.

– И говоришь ты так же заковыристо, – хохотнул купец. – Я слышал о твоих делах в столице. Ханнан-Советник, Ханнан-Богач, надо же! Это что, правда?

– Что? – хмыкнул чародей. – Наверное, ты меня с кем-то путаешь.

Такани погрозил ему жирным пальцем.

– Тебе меня не обмануть! Я слишком стар для этого.

Впрочем, даже напускная его сердитость продержалась недолго. Купец заметно оживился, увидев, что Захит несет запотевший кувшин и пару чаш, и в этот миг он вовсе не казался старым.

– Присоединяйся к нам, – махнул слуге рукой Такани. В кувшине оказалось гранатовое вино с сахаром и корицей, и по праву хозяина он провозгласил: – За добрые времена!

– За добрые времена! – повторил чародей. Только теперь, отставив чашу, торговец решился спросить:

– Так ты маг или нет?

Чародей был готов к вопросу и выложил заготовленный ответ.

– И да, и нет. – Видя, что Такани не понимает, Ханнан пояснил: – Конечно, я хотел стать магом! Ты знаешь, наставник подобрал меня на улице. Я бы жил во дворцах и ел самый белый хлеб. Меня бы носили в паланкинах, и никто не сказал, что мне нужно делать, а что нет. Так я думал. Но когда владыка надел царскую маску, – он запнулся, – да продлятся его годы и прирастет царство... все оказалось совсем не так.

Чародей умолк на мгновение и заключил:

– Да, я учился, учился прилежно, и успел вызубрить пару фокусов. Но это еще не делает меня магом.

– И вы бежали, – уточнил Захит.

– В ту самую ночь, – кивнул Ханнан. – Меня преследовали, но я оторвался от погони.

– Проклятье! Но я все равно не понимаю! – Такани прихлопнул ладонью по бархату софы. – Как ты разбогател? И почему великий ужасный Ханнан сидит тут в одежде бродяги?

– Прошло много лет, – медленно проговорил чародей. Помявшись мгновение-другое, он выложил начистоту: – Прости, старый друг, но и правда много лет. Ты изменился, я изменился... Я бы не хотел пока говорить всего.

– Боишься, да? – ухмыльнулся Такани. Впрочем, в глазах его не было и тени смеха. – Боишься, что я тут же сдам тебя проповедникам.

Ханнан только пожал плечами.

– Из святош выходят негодные друзья, если хочешь знать, – скривился купец. – Ладно. Чего ты хочешь? Если даже мне ты не доверишься!

– Нечто вроде сделки, – ответил маг. – Я намерен обосноваться здесь, в Сакаре. Еще не знаю, насколько. Может, несколько лун, а может, год. Мне нужно устроиться... быть секретарем купца лучше, чем безымянным бродягой. В ответ же... ну, я ведь вызубрил пару фокусов. В городе, где не осталось магов, они любому пригодятся.

Купец и слуга переглянулись.

– Теперь я понимаю, как ты стал богачом, – Такани прищурился. – Берешь быка за рога, а? И что, ты оскорбишь мое гостеприимство, пока я не заключу с тобой треклятый договор?

Ханнан улыбнулся.

– Оскорбления – плохое преддверие для сделок. Нет, по правде сказать, я рассчитывал на твое гостеприимство. Если только в городе нет никого, кто способен учуять магию и прийти к тебе. Мне бы не хотелось ставить тебя под удар.

Купец заметно помрачнел.

– На самом деле никто не знает, следит ли кто, – ответил за него Захит. – С тех пор как магов не осталось, некому об этом знать. Но наместник крепко решил очистить владения от скверны.

– Еще не передумал насчет гостеприимства? – поинтересовался чародей.

– Раздери тебя бесы, Ханнан, не говори ерунды! – разозлился Такани. – Ты останешься хотя бы на пару дней, пока не вытащу из тебя все новости!

Он бросил на слугу острый взгляд, и Захит тут же поднялся.

– Я подготовлю комнаты, господин.

Когда старик ушел, они долго молчали. За глиняным забором шумел город. Наконец Такани потер подбородок, крикнул и проговорил:

– Знаешь, что я тебе скажу, старик? Зря ты сюда приехал... – поняв, что он сказал, купец тут же поправился: – Конечно, я рад тебя видеть, я ведь даже не знал точно, жив ты или нет. Но вернулся ты зря.

– Почему?

– Сам видишь, все наперекосяк. Здесь еще полно людей, сюда забредают караваны, но город умирает. Это потому что о нем все забыли. Царь Царей, жрецы, наместник. Мне кажется, что и сами мы... – Он не договорил. – Ну признайся, ты был магом, ты сам это должен чувствовать!

Чародей не знал, о чем он. Разве только царапнул сердце коготок вины: ведь он видел и белокаменные города, террасами спускавшиеся к морю, и роскошные сады, до краев полные солнца и птичьего пения. И многолюдные рынки, где воздух дрожит от гула голосов. Он видел все это, когда бежал.

Решив сменить тему, маг произнес:

– Завтра мне нужно пройтись по городу. Я уйду рано, не удивляйтесь, если с утра меня не найдете.

– Хорошо. – Такани провел рукой по лицу, стирая пот. – Тогда иди, отдохни. Наши постоянные дворы – это тебе не столичные особняки.

Он усмехнулся. Однако когда Ханнан уходил, купец безмолвно шевелил губами, словно пережевывая неприятную мысль. О чем уж он думал? К сожалению, даже маги не знают всего.

Проснулся Ханнан от ощущения, что его ищут. Не то голос, зовущий по имени, не то взгляд, который все рыщет, рыщет – и никак не найдет. Чародей вскинулся, поднялся на постели, вглядываясь в обступившую его мглу.

– Ханнан, ученик Амра, ученика Исха́ка из линии Мису́ра! – повторял голос. – Отзовись, Ханнан!

Но маг не спешил отвечать на Зов. Закрыв глаза, он вновь откинулся на подушки. Пара мгновений – и вот он уже видит себя со стороны. Окружающий мир стал размытым, колеблющимся, ненастоящим. Стены спальни шли волнами, словно полог шатра на ветру.

Он видел потоки силы – они текли, сплетались и расплетались, похожие на струи воды, только вместо влаги в них тек свет. Он видел собственное тело на призрачной постели – тугой клубок струн и линий, пульсирующий в блеклом, подернутом рябью мире.

«Таким тебя видят маги, – всплыл в памяти голос наставника. – Маги и гафиры».

«Всегда?» – помнится, спросил он.

«Всегда, – подтвердил старый Амир. – Маг всегда знает, что рядом один из собратьев. Это как зуд на коже, ты не можешь его не чувствовать».

Воспоминание мелькнуло и скрылось. Наставник не успел сообщить Ханнану, что от наблюдения можно прятаться, что скрывшийся чародей только тогда выдает себя, когда применяет Дар, – и что применение магии также можно скрыть... Узнать все это магу пришлось уже в бегах.

Теперь он машинально проверил покровы, убедился, что исходящее от него сияние видит лишь он сам. Безмолвно пошевелил губами, повторяя фразу, которой научили его новые учителя. Теперь, даже если бы другой чародей находился в комнате, он не почуял бы движения силы.

– Ханнан, ученик Амира, ученика Исаака... – продолжал твердить голос. – Отзовись!

– Я здесь, Верховный, – откликнулся чародей.

Теперь в его сознании возник образ. Грубоватое лицо, словно вылепленное небрежным скульптором. Жесткая щетина покрыла щеки и выступающий подбородок. Сосредоточившись, маг разглядел убранство до мелочей – Первый-в-Круге зывал из своих покоев в столичной обители.

– Ты долго молчал.

Губы старика двигались, но голос исходил не от него, а звучал в голове Ханнана.

– Я очень устал, Первый, – проговорил чародей. – Прошу меня простить, я не сразу проснулся.

– Где ты?

– Вчера под вечер караван прибыл в Сакар, – начал отчитываться маг. – Но за день я успел немного. Нашел место, где можно пожить. У меня был друг детства, он торговец.

Брови Первого-в-Круге шевельнулись, будто он хотел нахмуриться, но передумал.

– Ты не очень-то спешил. Этот человек, он достоин доверия?

– Он ничего не знает, мудрый. На первый взгляд – да. Но ему незачем знать о моих замыслах. И я использовал Узы Молчания: если он проболтается, я тут же почувствую.

– Хорошо. Что ты узнал? – допытывался Первый.

Допрос длился несколько минут, но когда он закончился, Ханнан был совершенно выжат. Словно это он зывал к главе Круга, а не наоборот.

– Что же... – подвел итог Верховный, и не понять: доволен? недоволен? ворчит, потому что привык ворчать? – Не очень там расслабляйся. Узурпатор мне благодарен. Пока. Но это ненадолго.

Первый ушел сразу, не прощаясь. Ханнан еще несколько мгновений глотал ртом воздух.

Азас благодарен... С недавних пор Круг напрямую говорил с чародеями Рассветных королевств. Пара советов здесь, пара намеков в Городах Грани – и вот помпезное посольство едет на восток, где на самой границе для торговых переговоров сойдутся царь, деспоты с рассвета и присные. Ханнан не верил в благодарность узурпатора, но если Первый торопится – должно быть, ему лучше знать?

Милосердные боги! Ведь он же не лазутчик, не воин. Его теперь и жителем Сакара не назовешь...

Он сказал Такани, что не хотел быть магом. Было ли это правдой? Или хотя бы частью? Конечно, Ханнан-мальчишка не жаждал власти, кому она нужна в семнадцать лет? Ему просто нравилось, когда в его присутствии смолкали разговоры, когда ему кланялись и в почтении касались рукой лба. Ему, который даже не знал родителей.

Ханнан не помнил, как оказался у наставника. Сколько раз маг терзал свою память, надеясь выжать крохи детских воспоминаний, но та лишь насмеялась, подсовывая размытые

образы. Он был голодным и больным ребенком, так говорил учитель, и уже тогда в нем пробудился Дар. Интересно, подобрал бы его наставник, если бы в Ханнанае не было силы?

Впрочем, маги не похожи на простых смертных. Они судят иначе. Во всей стране, да и в других землях тоже, говорил наставник, маги – единственные привыкшие смотреть на талант, а не древность крови, богатство или их отсутствие. Во всяком случае, так было прежде...

Еще Ханнан вспоминал, как он покинул город. Тогда он, правда, еще не знал, что уходит насовсем – он просто бежал, спасаясь от погони. Сперва остались позади узкие мощеные улочки, проложенные во времена князей-пиратов. Затем его обступили мастерские, лавки и харчевни, тулившиеся одна к другой так тесно, будто искали поддержки друг у друга. Потом дорога миновала окраинные фермы – и вырвалась из объятий города, убегая на север и восток. Ханнан не знал, куда его заведет дорога. Просто понял, что возвращаться в Сакар ему нельзя.

Тогда он не догадывался, как ему повезло. Ведь на Прибрежном тракте убивали и за меньшее, чем сумка полновесных золотых. Он не знал и о столичных невольничьих рынках, что прятались в подвалах и на задворках трущоб, – и о том, что товар для них подбирают тут же, в степях и на безлюдных трактах. Ему повезло, и он шел, пока не оказалось, что дорога ведет напрямик в столицу.

Поначалу он оглох, онемел... наверное, даже ослеп – от блеска золоченых куполов, пронзительной белизны колоннад и росписи на стенах храмов. Он думал, что родился в городе, но весь Сакар с крепостью легко уместился бы в Районе Садов. Ханнан заблудился: даже не среди стен, а среди криков уличных зазывал, лая псов, властных окриков и воплей продавцов воды.

Кутерьма эта подхватила юношу, закружила – и выбросила две луны спустя на площадь у столичной обители чародеев.

– Мира тебе, торговец!

Ради приличия маг помял разложенные на прилавке отрезки ткани. Хозяин лавки не спешил высовываться из тени навеса и невнятно проворчал в ответ. Ханнан не был уверен, ответное приветствие или предложение убраться восвояси.

– Скажи, добрый человек, давно ли привезли эту ткань?

Сколько таких, безобидных с виду вопросов он сегодня задал? Его интересовало все: сколько продуктов поставляют в крепость, сколько караванов заходит по пути в Сакар, как часто появляются в гавани заморские галеры. Все это понадобится магам, если те и впрямь намерены вернуть влияние в южных землях. Ханнан знал это без напоминаний Первого-в-Круге.

Лавочник подался было вперед – и тогда-то это произошло. Словно во мраке безбрежной ночи мелькнул и погас огонек одинокой свечи. Или вернее – потайного фонаря? Кто-то применил магию. Здесь, совсем неподалеку!

Ханнан подавил желание немедленно обернуться.

Гомон базарной площади не утих, так же отмахивались от мух хвостами ослоловевшие от жары быки. Надсадный голос лошадиного барышника звенел в ушах. Видимо, чародей все же изменился в лице, поскольку до него донеслось:

– Вам плохо, господин?

– Нет, ничего... Все в порядке...

Маг покачал головой, словно стряхивая наваждение, а мысли неслись вскачь. Магия... здесь... В двух шагах от стен святилища.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.